

1-го мая
1908 г.

ТУРКЕСТАНСКІЙ

№
9-й

изданія

СТАРИНА

годъ III-й

ВЪДОМОСТИ

Подписная цѣна на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп., въ неофициал.—10 коп. за строку петита; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к.
Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семирѣченской области.

ЧАСТЬ СОЦІАЛЬНАЯ

Преподаніе благословеній.

Его Преосвященствомъ преподаны Архипастырскія благословенія учителю Захаровскаго приходскаго училища *Борису Антоновичу Колесникову* и подъесаулу 3-го Сибирскаго казачьяго полка *Анатолю Димитріевичу Баженову*, за ихъ участіе въ религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ священникомъ церкви Бахтинской мѣстн. команды о. Савватіемъ Сумароковымъ.

Разрѣшеніе сбора пожертвованій.

Туркестанскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено монахинѣ Вышневолоцкаго казанскаго женскаго монастыря, Тверской епархіи, Серафимѣ (Окуловой) производить сборъ пожертвованій въ предѣлахъ Туркестанской епархіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ 21 апрѣля и по 21 Іюня сего года, помѣющейся у нея сборной книжкѣ, выданной Тверскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ.

Вакантныя мѣста.

Священника при церкви села Покровскаго, Аулізатинскаго уѣзда и псаломщика при церкви села Надеждинскаго, Ходжентскаго уѣзда.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

**Получено Въ Туркестанскія Епархіальныя Вѣдомости за 1908 годъ со
слѣдующихъ причтовъ:**

- 1) Отъ священника 7-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, 2) причта села Дмитріевки, Ауліэатинскаго уѣзда, 3) священника Алексѣя Шевченко изъ гор. Чарджуя, 4) причта выселка Тополевскаго, Лепсинскаго уѣзда, 5) причта станицы Сарканской, Лепсинскаго уѣзда, 6) причта селенія Лугового, 7) причта Кональскаго молитвеннаго дома, 8) причта селенія Тамерлоновки, Чимкентскаго уѣзда, 9) священника 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, 10) настоятеля 3-й Туркестанской стрѣлковой бригады, 11) священника Кара-Калинской военно-мѣстной церкви, 12) начальника Пржевальской мѣстной команды, 13) священника Подгорнескаго молитвеннаго дома, Джаркентскаго уѣзда, 14) причта гор. Пишпекской церкви, 15) причта села Лебединскаго, Пишпекскаго уѣзда, 16) причта села Георгіевскаго, 17) причта села Большаго-Токмака, 18) причта села Новофроицкаго, 19) причта селенія Бѣловолскаго, Пишпекскаго уѣзда, 20) причта селенія Карбалты, 21) причта селенія Чалдоваръ, 22) причта селенія Мерке, 23) домової церкви Ташкентской женской гимназіи, 24) причта села Егорьевскаго, Чимкентскаго уѣзда, 25) причта гор. Лепсинска, 26) причта селенія Константиновскаго, Лепсинскаго уѣзда, 27) причта села Герасимовскаго Лепсинскаго уѣзда, 28) причта села Колпаковскаго, Лепсинскаго уѣзда, 29) причта селенія Осиновки, Лепсинскаго уѣзда, 30) Ташкентской учительской Семинаріи, 31) Ташкентской мужской Гимназіи, 32) Ташкентскаго Реального училища, 33) отъ Кадетскаго Корпуса, 34) Ташкентскаго женскаго монастыря, 35) Ташкентской тюремной церкви, 36) причта Ташк. Сергіевской церкви, 37) причта гор. Джаркента, 38) причта станицы Голубевской, 39) причта станицы Никольской, Джарк. уѣзда, 40) причта выселка Подгорнескаго, 41) причта Кавалинской жел. дорожной станицы, 42) причта Чарджуйской жел. дорожной станицы.—по 6-ти рублей отъ каждаго; 43) директора Самаркандской мужской Гимназіи 5 руб. 70 к., 44) благочиннаго Епархіальныхъ церквей Закасп. области 24 рубля, а всего 281 руб. 70 коп.

Поступило въ пользу вдовы Мамышевой.

- 1) Отъ священника села Троицкаго о. Покровскаго 1 руб., 2) псаломщика Венедикта Борисоглѣбскаго 50 коп., 3) священника селенія Чиназъ Александро-Кушкинскаго уѣзда 1 руб., 4) псаломщика той-же церкви Николая Самазскаго 50 коп., 5) причта Ташкентской Юсифо-Георгіевской церкви 3 руб., 6) священника гор. Перовска о. Тихова 1 руб., 7) діакона Громова 50 коп., 8) священника села Козанджикъ Василя Скварцова 1 руб., 9) псаломщика Гаврилова 50 коп., 10) священника сел. Гавриловскаго, Кональскаго уѣзда Алекс. Соловьева 1 руб., 11) причта Меркенской церкви 1 р. 50 коп., 12) причта сел. Лебединскаго 1 р. 50 коп., 13) священника Шаравскаго 1 руб., 14) священника Никольскаго 1 руб., 15) священника о. Петра Остроумова 1 руб., 16) діакона Григорія Лазурьевскаго 50 коп., 17) протоіерея о. Іліи Дзампаева 3 руб., 18) причта сел. Покровскаго, Ауліэатинск. уѣзда 1 р. 50 коп., 19) священника о. Витавскаго 1 руб., 20) священника о. Дмитревскаго 1 руб., 21) священника о. Казанскаго 1 руб., 22) псаломщика Сушкова 50 коп., 23) благочиннаго Ауліэатинскаго округа 2 руб., 24) причта станицы Николаевской, Мангишлакскаго уѣзда 1 рубль 50 копѣекъ, всего 28 руб.

Въ пользу вдовы священника Федорова.

- 1) Отъ причта станицы Николаевской Мангишлакскаго уѣзда 5 руб., 2) священника Евстафія Малаховскаго 3 рубля, всего 8 руб.

Содержаніе официальной части. Преподаніе благословенія.—Разрѣшеніе сбора пожертвованій.—Вакантныя мѣста.—Справочный указатель.

Редакторъ офиц. части, священникъ В. Антоновъ.

ЧАСТИ ОПОЗИЦИОННАЯ

Предсоборныя думы.

Вопросъ о Всероссийскомъ Церковномъ Соборѣ, похороненный на столбцахъ нашей столичной прессы, опять какъ будто оживаетъ и выплываетъ на поверхность.

Въ газетахъ нѣтъ, нѣтъ, да и появятся объ этомъ извѣстія; извѣстія, правда, не точныя, часто изложенныя въ видѣ догадокъ и предположеній, съ косвенными намеками на то, что пора давно уже приспѣла разрѣшиться и этому вопросу тѣмъ, какъ думалось всеми въ началѣ его зарожденія, или инымъ образомъ.

Не ясный, часто двусмысленный характеръ газетныхъ извѣстій о Соборѣ, сдѣлалъ свое дѣло: извѣстіямъ этимъ перестали вѣрить не только въ центральной Россіи, но и въ нашей, наивно вѣрующей всякому печатному слову, окраинѣ.

Но распадъ довѣрія къ печатному слову на этомъ не остановился. Недовѣріе съ источниковъ извѣстій перешло и на ихъ содержаніе... Перестали вѣрить и въ самую возможность улучшения церковно-приходской жизни путемъ предложенныхъ различныхъ реформъ. Не одно постановленіе Предсоборнаго Присутствія не обойдено враждебной ему, критикующей мыслью, Время шло... Поборники рѣшительныхъ реформъ смягчились, пошли на уступки, а многіе и совсѣмъ замолкли... Время сдѣлало свое дѣло: мнѣнія раздѣлились, споры уменьшились, желанія быстрыхъ, рѣшительныхъ реформъ утратили свой острый характеръ.

Оппозиціонныя богословствующія газеты, занявшись подведеніемъ итоговъ минувшей вспышки о желаніи реформъ, дѣляютъ «обновленческое» теченіе въ нашей Церкви на крайнее правое, крайнее лѣвое и центральное.

Крайне правое, по мнѣнію одной изъ указаннаго направленія газетъ*), требуетъ установленія желѣзной дисциплины, которая сковала-бы всю жизнь сверху до низу самыми строгими правилами. Всѣ древнія каноническія правила, касающіяся церковнаго управленія и личной жизни каждаго отдѣльнаго христіанина, начиная отъ епископа и кончая самымъ послѣднимъ прихожаниномъ, должны быть восстановлены въ прежней силѣ. Въ такомъ случаѣ надѣяться они, епископы будутъ такими пастырями, великими учителями.

*) „Церковь“, № 13.

лями вѣры и изумительными подвижниками благочестія, о какихъ находятся сказанія въ житіяхъ святыхъ; а міряне сдѣлаются такими вѣрными сынами Церкви, что ея благо будутъ ставить выше личнаго счастья и готовы будутъ возстать на ея защиту всѣ какъ одинъ человѣкъ.

Представителемъ и наиболее яркимъ выразителемъ крайняго праваго направленія газ. «Церковь» называетъ волынскаго архіепископа Антонія.

Крайнее лѣвое направленіе, говорится въ той-же газетѣ, держится совершенно иной, какъ разъ обратно противоположной точки зрѣнія.

Представителями лѣваго направленія являются свѣтскіе богословствующие писатели Розановъ, Мережковскій и др.

Лѣвыя реформаторы требуютъ уничтоженія всей старой дисциплины, созданной канонами св. апостолъ и отецъ и устроения церковной жизни на новыхъ началахъ, подсказанныхъ самой жазною, на началахъ, ничего общаго съ настоящей церковной жизнью не имѣющихъ...*)

Центральное направленіе таже газета называетъ «роднымъ дѣтищемъ богословской академической мысли». Во главѣ этого теченія она ставитъ виднѣйшихъ приходскихъ священниковъ обѣихъ столицъ. Теченіе это требуетъ возстановленія въ Церкви выборнаго начала отъ приходскаго пастыря, до епископовъ, митрополитовъ и патріарха во главѣ—включительно...

Образованіе этихъ теченій несомнѣнно свидѣтельствовало о живомъ стремленіи членовъ Церкви къ возрожденію нормальной, отвѣчающей условіямъ правильнаго развитія всѣхъ сторонъ о духовной человѣческой жизни въ Церкви.

Каковы-бы не были крайности взглядовъ на наше церковное обновленіе у всѣхъ указанныхъ теченій, но всѣ ихъ взгляды одинаково говорили все объ одномъ и томъ-же—реформы въ Церкви нужны.

Примирившись между собою партіи крайняя правая и центръ, они уничтожили-бы лѣвую; лѣвая исчезла-бы сама собой, какъ партія ничего общаго неимѣющая съ церковной жизнью, строго обо-

*) Во главу угла представители этого направленія выдвигаютъ ученіе, что, сама вѣра, именно, ея сущность выражается яко-бы въ жизни земной, чувственной, и есть ничто иное, какъ стремленіе къ чувственнымъ, плотскимъ удовольствіямъ и успѣхамъ. Они желали-бы, чтобы Церковь явилась освятителницей этихъ земныхъ радостей и плотскихъ возбужденій, чтобы весь ея бытъ былъ перестроенъ сверху до низу, именно въ этомъ смыслѣ и для этихъ цѣлей, чтобы ея богослуженіе съ каноническими пѣснями замѣнилось пиршественнымъ ликованіемъ съ опьяняющей музыкой; что вмѣсто цѣломудренности было освящено плотское соединеніе; чтобы вмѣсто дѣвства прославлялись первые порывы страсти. „Церковь“.

снованной на вѣчномъ «основаніи апостоль и пророкъ, сущу краеугольну Самому Исусу Христу».

Но этимъ «примиреніемъ» никто въ свое время не занялся... Спорившіе, оставшісь всякій при своемъ мнѣніи, замолкли...

Настало полное затишье... Что-же общаетъ оно? О чемъ говорить это молчаніе? Не говоритъ-ли оно о полномъ примиреніи спорившихъ сторонъ по общему правилу: молчаніе—знакъ согласія?

Далеко, конечно, нѣтъ... О примиреніяхъ ихъ не можетъ быть и рѣчи.

Опытные люди говорятъ, что послѣ бури всегда бываетъ затишье, а послѣ тишины—бури, а поѣтому моряки, сжившіеся съ этой непреложной истиной, обыкновенно въ тихую погоду вновь готовятъ... къ бури. Они усердно ремонтируютъ потрепанныя части своего, перенесшаго бурное испытаніе, судна, выбрасываютъ вонъ тѣ его части, которыя оказались непригодными, замѣняя ихъ такими, которыя болѣе отвѣчали-бы своему назначенію.

Такъ дѣлаютъ опытные моряки... Отчего-бы и кормчимъ кораблей моря житейскаго не воспользоваться наступившимъ затишьемъ и не привести въ должный порядокъ своего судна, свою команду и спасательныя средства? Вѣдь за эти годы, дѣйствительно, такъ много было наговорено и горькихъ истинъ, и всякаго вздора, что разобраться во всемъ этомъ трудно даже и опытнымъ мыслителямъ... И все наговоренное свалено въ одну кучу и теперь расплзлось какой то аморфной массой въ народномъ сознаніи... Надо разобраться во всемъ этомъ хаосѣ... Надо показать, какія средства намъ годны, которыя терпимы и которыхъ надо избѣгать... Да и матросовъ-то подновить не мѣшало-бы...

Кажется для этой цѣли (т. е. цѣль то была другая—подготовка къ Собору) была создана Предсоборная Комиссія; но труды ея стали достояніемъ архивовъ и библіотекъ, но не жизни. Значить, она не достигла своей цѣли. Она не дала средствъ и не дала точныхъ указаній, какъ подойти къ нашему оздоровленію, какъ пуститься въ дальнѣйшее плаваніе безъ риска погубить хотя-бы и одного изъ своихъ пассажировъ.

Да, Комиссія определеннаго отвѣта не дала, а запросы не принимаются. Отвѣты требуются немедленные, точные, какъ сама истина...

Кто-же дастъ ихъ? Пастыри... Но вѣдь въ ясномъ разрѣшеніи нуждается не только паства, но и сами пастыри.

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ дать по общему убѣжденію людей, преданныхъ Св. Церкви, только Всероссійскій Соборъ, соборный голосъ служителей истины, ибо отдѣльные голоса служителей слова не настолько авторитетны для такого великаго дѣла,

какъ успокоеніе умовъ, взволнованныхъ долгой и ужасной по силѣ своей бурей.

Здоровый разумъ говоритъ намъ: послѣдуйте опытамъ, добытымъ моряками...

Воспользуемся же тишиной, чтобы вновь подготовиться къ предстоящей бури...

Время созыва Собора теперь самое подходящее.

15 апрѣля 1908 года.

Вѣрный.

Священникъ М. Колобовъ.

Письмо священ. Григорія Петрова митрополиту Антонію.

Спб. 1908 года 16², стран. 16-ть. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ этомъ письмѣ бывший священникъ Гр. Петровъ, — въ отвѣтъ на обвиненія противъ него по жалобамъ на его сочиненія и рѣчи, — обѣщаетъ дать изложеніе своихъ *религіозныхъ* и отсюда вытекающихъ *политическихъ* убѣжденій. Но обѣщавъ это на 1-й страницѣ своей брошюры, на 2-й стр. онъ уже заявляетъ, что не говоритъ о томъ, что признаетъ истиннымъ, сохранившимся отъ подлинной Христовой Церкви и въ чемъ у него, Петрова, нѣтъ различія съ современнымъ, — какъ онъ называетъ, — «*православно-синодальнымъ исповѣданіемъ*», — а останавливается подробно лишь на томъ, что считаетъ «*тѣмными сторонами*» этого исповѣданія; т. е. Гр. Петровъ на обвиненія противъ него самъ отвѣчаетъ обвиненіями-же, хочетъ не защищаться только, противъ нападенія но самъ обращается въ нападающаго, — маневръ чисто стратегическій, такъ какъ на войнѣ наилучшая защита состоитъ въ томъ, чтобы самому обратиться въ нападающаго, взять въ свои руки инициативу дѣйствія. Предъявленіе Гр. Петрову обвиненія могло-бы повести еще къ переговорамъ и къ примиренію между нимъ и обвинителями его, но Гр. Петровъ мира съ противниками своими не желаетъ и прямо заявляетъ, что будетъ говорить не о томъ, что у него общаго съ нимъ, что можетъ соединить, примирить, направить общія силы обвиняемаго и обвинителей къ исцѣленію нашего отечества, истерзаннаго внѣшними и еще болѣе внутренними врагами; нѣтъ, Гр. Петровъ будетъ говорить о томъ, что раздѣляетъ его съ называемою имъ православно-синодальною церковью. Дѣлая такое заявленіе, самъ Гр. Петровъ такимъ образомъ предупреждаетъ насъ, чтобы мы не искали въ его письмѣ ничего кромѣ брани, инсинуаций, клеветъ, всякаго рода передержекъ и подвоховъ, — словомъ всего, что употребляется на войнѣ съ цѣлію обмануть противника, обмануть тѣхъ, которые могли-бы стать на сторону противника, съ цѣлію привлечь возможно-большее число

союзниковъ на свою сторону. Такъ это есть и на самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Очевидно, Гр. Петровъ думаетъ, что вражды, борьбы и жертвъ ихъ у насъ еще мало и ему хочется подлить и еще масла въ огонь, уже возгорѣвшійся, который и до сихъ поръ не могутъ затушить!.. Дальше Гр. Петровъ говоритъ, что останавливаясь именно на *тѣневой сторонѣ церковной жизни*, онъ хочетъ «высказаться до конца», «во всей полнотѣ», такъ какъ ранѣе по цензурнымъ условіямъ онъ не могъ высказать того, въ чемъ заключается отличіе его пониманія «отъ принятаго обычнымъ христіанскимъ духовенствомъ пониманія Евангелія, христіанства и задачъ церкви». Высказать это Гр. Петровъ находитъ особенно необходимымъ *теперь*, потому что *теперь*, по его словамъ, «у насъ насильственно заграждены уста правды» и «общее вынужденное молчаніе можетъ быть принято за одобреніе странною всѣхъ тѣхъ поруганій правды Божіей, которыя теперь вошли въ обычное правило и считаются чуть-ли не вершиною общественной и государственной мудрости». «Молчаніе церкви»,—говоритъ Гр. Петровъ,—«есть тяжкое преступленіе. И то, что сейчасъ дѣлаетъ духовенство въ Россіи», «одобряя всѣ ужасы властей», есть «несомнѣнно измѣна задачамъ церкви, измѣна правдъ Христа, презрѣніе къ нуждамъ родины, принесеніе народныхъ страданій въ жертву правящимъ властямъ». И все это говорится догматически, безъ всякихъ доказательствъ справедливости взводимыхъ обвиненій, какъ нѣчто общеизвѣстное, говорится не для того, конечно, чтобы убѣдить способныхъ мыслить, а чтобы поразить поддающихся первому впечатлѣнію. Нужно замѣтить, что брошюрка, заключающая въ себѣ письмо къ митрополиту Антонію,—«продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ»,—какъ значится на обложкѣ ея, а потому жалобы въ этой брошюркѣ, будто-бы *теперь* у насъ насильственно заграждены уста правды, еще разъ свидѣтельствуютъ, что въ словахъ Гр. Петрова нечего искать правды,—тотъ, кто можетъ продавать свои произведенія во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и не одного какого-либо мѣста, а всей Имперіи, тотъ не можетъ жаловаться на загражденіе устъ его*).—Нельзя не отмѣтить и того, что послѣ словъ—«молчаніе Церкви въ данное время есть тяжкое преступленіе»—тотчасъ-же слѣдуетъ: «и то, что сейчасъ дѣлаетъ духовенство въ Россіи, особенно *духовенство* высшее, монашествующее, одобряя всѣ ужасы властей... Это несомнѣнно измѣна задачамъ церкви, измѣна правдъ Христа» и проч. Необходимо отмѣтить это, а вмѣстѣ и спросить, кого-же онъ, Гр. Петровъ, обвиняетъ въ тяжкомъ преступленіи, въ измѣнѣ задачамъ церкви,—саму-ли Церковь или только духовенство? Признаетъ-ли онъ, что въ нашей право-

*) По словамъ газеты „Волга“ въ одномъ Саратовѣ брошюрка эта распространяется въ тысячахъ экземплярахъ.

славной, — или, какъ онъ выражается, въ — православно-синодальной церкви живетъ еще духъ Христовъ, или же она совсѣмъ уже обездушила, совсѣмъ обратилась въ трупъ, на который онъ, Гр. Петровъ, и собираетъ всѣхъ не для того, чтобы вдохнуть въ этотъ трупъ душу живую, а чтобы растерзать его, чтобы ничего отъ него не осталось?! И согласно ли, — по мнѣнію Гр. Петрова, — такое растерзаніе, если бы даже и трупа, то трупа нашей матери, собравшей насъ во едино, когда монгольское иго «распутило» насъ, согласно ли оно съ ученіемъ Христа, нарочитымъ исполнителемъ котораго Гр. Петровъ себя выставляетъ, заявляя, что «быть провозвѣстникомъ» правды Евангелія, «принимать въ качествѣ служителя церкви хотя какое нибудь участіе въ строительствѣ Царства Божія въ человѣчествѣ», онъ полагалъ и полагаетъ «самымъ высокимъ и радостнымъ дѣломъ»?!. И не видитъ ли Григорій Петровъ въ этомъ именно растерзаніи трупа матери нашей церкви строительства Царства Божія, Царства Христова, — который «не преречеть, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа его, трости сокрушенны не преломитъ и лена внемшася не угаситъ» (Матѳ. XII, 19, 20)?!

Все это было только предисловіе къ письму, въ изложеніи же по существу Гр. Петровъ прежде всего заявляетъ, что церковь для него «представлялась, какъ представляется и теперь, *осуществляемымъ въ людяхъ Царствомъ Божиимъ, воплощеніемъ въ человечествѣ Божества, какъ Божество было воплощено въ Иисуса Христа*». Не придираясь къ словамъ, признаемъ, что въ этомъ выраженіи заключается то самое, что и въ словахъ Спасителя Нашего — «да вси едино будутъ: яко же ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ» (Іоан. XVII, 21). Но такъ же представляютъ себѣ Церковь и всѣ служители нашей православной церкви, ибо весь смыслъ церкви въ томъ, что бы быть на лозѣ, которая есть Христосъ, — быть единою съ Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ. Точно такъ же и всѣ служители нашей церкви, какъ и Гр. Петровъ, признаютъ, конечно, что «обряды, формулы вѣры, системы догматовъ *одни* не составляютъ церкви», что «сущность церкви — Христосъ, осуществленіе въ жизни правды Евангелія». — Но это не значить, чтобы догматы и обряды ничего не значили, ибо вѣра состоитъ въ единствѣ догмата, обряда и жизни, т. е. въ цѣльности; будемъ думать, что такъ понимаетъ это и Гр. Петровъ, бывший священникъ, иначе, если онъ не придаетъ, не придавалъ и тогда, когда былъ священникомъ, никакого значенія обрядамъ и догматамъ, въ такомъ случаѣ священство его было чистѣйшимъ лицемѣріемъ. — Этимъ однако и кончается изложеніе религиозныхъ убѣжденій Гр. Петрова, дальше же, со страницы 4-й, начинаются только обвиненія, брань, клеветы и проч. тому подобное, брань на церковь, брань на самодержавіе... Хотя Гр. Петровъ и называетъ поносимую имъ церковь *православно-*

синодальною, но таково-же, по мнѣнію Гр. Петрова, было и *монашеско-византійство*, таково-же, очевидно, была Церковь Христова и съ самаго основанія ея, иначе христіанство, побѣдивъ міръ, не стало-бы дивиться ничтожности результатовъ, достигнутыхъ этою побѣдою. Что это за побѣда, что это за сила, если послѣ побѣды она оказалась въ плѣну у побѣжденнаго, если и послѣ побѣды христіанства «*ничто не измѣнилось*» — (стр. 8-я брошюры). А поносимое самодержавіе Гр. Петровъ считаетъ самымъ негоднымъ строемъ «изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ христіанскомъ мірѣ» (стр. 14-я), хотя и всѣ «государственные, строи и самодержавные, и несамодержавные», по словамъ Гр. Петрова, «съ точки зрѣнія подлинной Христовой Церкви, всѣ никуда негодны». А отсюда дѣлается такой выводъ, что «для церкви никакой изъ существующихъ государственныхъ строевъ не есть законченный, неизмѣнно-отлитый и *неприкосновенный*». — Въ этомъ полнота какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій Гр. Петрова; сущность-же этихъ убѣжденій въ томъ, что для церкви нѣтъ *неприкосновенныхъ* государственныхъ строевъ, и со всякимъ изъ этихъ строевъ церковь можетъ, слѣдовательно, вступать въ борьбу; — всѣ они негодны, враждебны, а потому и ненавистны, конечно; ненавистнѣе же всѣхъ нашъ самодержавный строй, негоднѣйшій изъ всѣхъ, и не только поддерживать, а лишь не становиться на сторону борющихся съ этимъ строемъ — величайшее нечестіе со стороны церкви и ея служителей, измѣна задачамъ церкви, правдѣ Христовой. — Нужно-ли говорить, насколько эти убѣжденія Гр. Петрова согласны съ ученіемъ Христа и его апостоловъ, на сколько они пріемлемы «съ точки зрѣнія *подлинной* Христовой церкви», какъ выражается Гр. Петровъ.

Обвиненія начинаются заявленіемъ, что у насъ «и послѣ 19 вѣковъ проповѣди Евангелія въ лучшемъ случаѣ были и есть отдѣльные христіане, исключительныя личности, но нѣтъ христіанства. Нѣтъ христіанскаго законодательства. Нѣтъ христіански-правовыхъ бытовыхъ нормъ. Нѣтъ христіанскаго образа правленія. Нѣтъ ни христіанскаго общества, ни христіанскаго государства». Но — государство и правленіе, нормы и законодательство, всѣ эти слова выражаютъ, — въ сущности, — одни и тѣже понятія. Для чего-же все это нанизано? Не для красоты-ли слога, не для большей-ли убѣдительности?!.. Для кого-же однако эта фразеологія можетъ быть убѣдительна? Не для тѣхъ-ли, которые не думаютъ о томъ, что читаютъ, которые воспринимаютъ прочитанное не мыслью, а лишь чувствомъ, нервами! Если же отдать себѣ отчетъ въ этой фразеологіи, то и окажется, что если-бы мы всѣ были истинными христіанами, всѣ въ разумъ истины пришли, всѣ сдѣлались-бы совершеннѣйшими, пришли въ мѣру возраста Христова, то никакого государства, никакого правленія, нормъ и закона намъ и не надо было-

бы, такъ какъ государство, правленіе, власть, какъ и законъ, не имѣютъ другого средства, заставить исполнять свои велѣнія кромѣ силы, принужденія; христіанство же никакого насилія допустить не можетъ, а потому выраженія—*христіанское* государство, *христіанскій* образъ правленія, *христіански*-правовыя нормы, *христіанское* законодательство,—всѣ эти выраженія въ самихъ себѣ заключаютъ противорѣчіе. Христіане уже не подъ закономъ, а подъ благодатью (Римл. VI, 14), христіане умерли для закона Тѣломъ Христовымъ; умерши для закона, которымъ были связаны, христіане освободились отъ него, чтобы *служить Богу* (Римл. VII, 4, 6). Государствованіе, управленіе нужно лишь тѣмъ, которые сами государствовать, управлять собою не могутъ, а не христіанамъ истиннымъ, пришедшимъ въ мѣру возраста Христова; благодать устраняетъ необходимость какихъ-бы то ни было правовыхъ нормъ, законовъ, образа правленія; пока же остается необходимость въ государствованіи, въ управленіи, въ установленіи нормъ и законовъ, пока мы остаемся такими, что дѣлаемъ, по слову апостола, не доброе, которое хотимъ, а злое, котораго не хотимъ, до тѣхъ поръ мы еще неполные христіане, и все въ насъ нехристіанское, все необлагодатствованное должно остаться *подъ закономъ*, который «грѣха ради приложися» и всегда имѣетъ за собою силу, т. е. грозитъ принужденіемъ, въ случаѣ нарушенія, неисполненія закона. Какъ же говорить о *христіанскомъ* законодательствѣ, о *христіанскомъ* образѣ правленія и проч. Христіанство не знаетъ правительства, государства, оно знаетъ только *отечество* и *сыновство*; русскій народъ и представляетъ себѣ наше царство отечествомъ, гдѣ Царь—нашъ Отецъ, а мы—возлюбленные его дѣти. Христіанство знаетъ только безграничную любовь, которая,—по слову апостола,—не завидуетъ не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, все терпитъ... Пока же мы не имѣемъ любви, которая безъ всякаго принужденія заставляла-бы насъ дѣлать только доброе, необходима власть, и эта власть отъ Бога, какъ это говоритъ апостоль, и говоритъ о власти языческой и при томъ о такой, какъ власть императорскаго Рима, перваго вѣка нашей эры, когда за вѣру во Христа отдавали на растерзаніе звѣрямъ, изъ вѣрующаго во Христа дѣлали факелы... И о такой-то именно власти апостоль говоритъ (Римл. XIII, 3, 4)—«ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро... Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ (начальникъ, Божій слуга) не напрасно носитъ мечъ: онъ—Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое»... Такова идея власти по апостолу. И если эта идея не присуща нашимъ властителямъ, то это возможно въ томъ лишь случаѣ, если всѣ они завѣдомыя злодѣи, а не люди, какъ и всѣ, т. е. съ присущими людямъ слабостями, а потому не всегда удерживающіеся на высотѣ сознаваемого ими долга;

и это будетъ значить, что всѣ, вступающіе въ среду правителей, вступаютъ въ заговоръ противъ управляемыхъ, въ заговоръ, чтобы поддерживать злое, а не доброе, чтобы быть отмстителями въ наказаніе дѣлающему доброе, а не злое, вопреки тому, какъ это говоритъ апостоль, — это будетъ значить, что власть попала въ руки шайки разбойниковъ. Такъ это и думаетъ Гр. Петровъ, утверждая на стр. 5-й своей брашюры — «они маленькой кучкой держатъ въ кабалѣ все остальное населеніе». Но такое обвиненіе противъ власти есть чистѣйшая клевета, ибо власть явилась, какъ необходимость, вслѣдствіе распаденія человѣческаго рода на отдѣльные роды, народы, сословія, чтобы борьба этихъ отдѣльныхъ группъ человѣчества не привела къ гибели всего человѣческаго рода. Всякая власть при всемъ своемъ несовершенствѣ, — неизбѣжномъ при общемъ нашемъ несовершенствѣ, — объединяя разрозненныя группы человѣчества, вноситъ въ среду ихъ миръ, морализуетъ ихъ взаимныя отношенія, т. е. ограничиваетъ борьбу, которая безъ власти обратилась-бы въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ и привела-бы къ общей гибели; а потому власть, и именно *всякая* власть отъ Бога, ибо является исполнительницею воли Христа — Бога нашего, чтобы на землѣ былъ миръ. — Такъ понимали это апостолы и не боролись, а подчинялись даже власти римской, зная, что безъ этой хоть и плохой власти было бы хуже. И самъ Христосъ сказалъ о той-же римской власти, что она дана *свыше*, — въ извѣстномъ отвѣтѣ Пилату (Іоан. XIX, 11). Такъ понимаетъ власть и наша церковь и ея служители, которые, обращаясь съ своими печалованіями къ самимъ властителямъ, не только не внушаютъ недовольнымъ властью, что власть эта *«не есть неприкосновенна»*, а потому не грѣхъ и противиться ей, — какъ это хочетъ Гр. Петровъ на стр. 14-й своей брошюры, но — по слову апостола — убѣждаютъ всѣхъ повиноваться властямъ не только добрымъ, но и строптивымъ, не только справедливымъ, но и несправедливымъ. Можетъ-ли сравниться что либо въ несправедливости съ распятіемъ Господа Нашего Іисуса Христа?!.. Однако и эта величайшая несправедливость, усиливавшаяся постоянно гоненіями на послѣдователей Христа, не сдѣлала апостоловъ сторонниками возстававшихъ противъ власти, совершившей эту несправедливость. А Гр. Петровъ называетъ незаконнымъ сожителствомъ церкви съ самодержавіемъ, когда служители церкви не идутъ вмѣстѣ съ возставшими противъ власти нашего Царя. Наше духовенство не противилось даже тогда, когда при Екатсринѣ II были отобраны церковныя имущества.

Но ограничивая борьбу, власть не можетъ совершенно прекратить ее, пока люди не достигли еще совершенства, къ которому призываетъ насъ Христосъ; пока люди не пришли къ полному единству и сама власть не можетъ не бороться противъ нарушителей мира, на которыхъ и носить мечтъ. Не можетъ быть еще полного мира, т. е. христіанскихъ отношеній между людьми,

пока человѣческой родъ разбить на множество государствъ и особыхъ народностей, пока болѣе $\frac{2}{3}$ рода человѣческаго даже не именуется христіанами, и среди послѣднихъ триста милліоновъ магометанъ, которые стремятся всѣхъ обратить въ своихъ единовѣрцевъ, и орудіемъ для этого избрали мечъ, ставшій въ понятіи магометанъ ключемъ къ раю. Какъ при такомъ положеніи и тѣмъ народамъ, которые приняли христіанство, но осуществить его еще не могли,— какъ имъ не защищаться противъ тѣхъ, которые хотятъ лишить ихъ даже имени христіанъ? А чѣмъ они могутъ защищаться противъ оружія, если не оружіемъ-же, и что они противопоставятъ милліоннымъ арміямъ, какъ не такія-же арміи? Когда магометане начали свои завоеванія, когда совершилось монгольское на насъ нашествіе, тогда у христіанъ не было еще регулярныхъ войскъ и милліонныхъ армій, все это явилось лишь впослѣдствіи и было вызвано, конечно, реальными причинами, а не капризами отдѣльныхъ лицъ, хотя-бы и правителей, которые обыкновенно не властны ни надъ собою, ни надъ другими, а если и властны, то власть ихъ весьма и весьма ограничена, и во всякомъ случаѣ не простирается на такія явленія, какъ созданіе милліонныхъ армій, и на все, съ такими явленіями связанное. И вотъ Гр. Петровъ, не задаваясь и вопросомъ о причинахъ возникновенія милліонныхъ армій, и несомнѣнно зная, что человѣкъ,—и особенно облеченный властью,—очень мало властенъ даже надъ собою*), не говоря уже о другихъ, (ему не могло быть неизвѣстно, не могло быть необдуманно имъ вышеприведенное выраженіе ап. Павла—не дѣлаю добраго, которое хочу, и дѣлаю, злое, котораго не хочу),—Гр. Петровъ раздражается на стр. 4-й такою тирадою: «О христіанствѣ всего человѣчества странно и говорить. Отношенія народовъ другъ къ другу совершенно противоположны духу Евангелія. Самыя христіанскія государства содержатъ милліонныя арміи для массовыхъ убійствъ, то сосѣднихъ чужеземцевъ, то своихъ собственныхъ, недовольныхъ насильственными порядками гражданъ. На чудовищныя людобойни, на орудія истребленія высасываются послѣднія соки изъ одураченнаго населенія. Массовыя убійства возведены въ науку, стали предметомъ военнаго искусства. Искусства убивать.—Чѣмъ эти взаимоотношенія христіанскихъ народовъ отличаются отъ международныхъ отношеній сѣдой языческой древности?—Чѣмъ отъ язычества отличаются и отношенія государствъ къ своимъ гражданамъ? Правительства насильничаютъ надъ странною, угнетаютъ населеніе. Цари смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье. На народы,—какъ на свои стада. Не сами служатъ населенію, а требуютъ отъ народа службы себѣ». —Могъ-ли христіанинъ обратиться къ власти съ такими укоризнами,

*) Есть-ли человѣкъ менѣе свободный, чѣмъ китайскій, напр., императоръ.

возбуждающими недовольныхъ къ бунту противъ нея? А Гр. Петровъ не только считаетъ себя истиннымъ христіаниномъ, но былъ и священникомъ!.. Любовь-ли говорить его устами? Добрали онъ желаетъ, уговаривая распустить арміи, отказаться отъ всякаго принужденія въ отношеніи тѣхъ, которые, какъ и онъ самъ, Гр. Петровъ, преисполнены не любовью, а ненавистью, толкающею ихъ на насилія, которыя ими тотчасъ-же и совершаются, лишь только это представляется возможнымъ. И самъ Гр. Петровъ не ограничился-бы, — несомнѣнно, — только бранью, какъ теперь, на митрополита Антонія, правящее духовенство, самодержавнаго Царя нашего, если-бы имѣлъ силу. Нельзя не отмѣтить въ приведенномъ отрывкѣ слѣдующей переделки: — «*правительства* насильничаютъ надъ странюю, угнетаютъ населеніе. Цари смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье» и проч. Любовь-ли (еще разъ спросимъ), въ которой вся суть христіанства*), говорила въ Гр. Петровѣ, когда онъ, начавъ говорить о *правительствахъ*, все свелъ на *царей*, въ сущности на одного Царя, нашего русскаго, православнаго, который будто-бы смотритъ на подчиненные ему народы, «*какъ на свои стада. Не самъ служитъ населенію, а требуетъ отъ народа службы себя*». Гр. Петровъ забылъ, очевидно, что христіане, освободившись отъ закона, освободились не для того, чтобы исполнять свою волю, а для того, чтобы *служить Богу* (Римл. VII, 6); забывъ это, Гр. Петровъ не знаетъ и едва-ли пойметъ истинное отношеніе Царя къ народу, отношеніе, заложенное въ основѣ нашего русскаго — православнаго самодержавія; по русски, по православному «*ни царь для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится исполнителемъ воли Бога въ дѣль Божіемъ*», какъ это говорится на стр. 355-й Философіи Общаго Дѣла, въ статьѣ *Самодержавіе* (произведеніе Н. Ѳ. Ѳедорова, вышедшее въ 1907 году въ г. Вѣрномъ). Если-бы Гр. Петровъ не забылъ о долгѣ служить Богу и *только Богу*, онъ не сталъ-бы говорить ни о службѣ царя населенію (или народу), ни о волѣ народа, вмѣсто которой «*стремятся*» будто-бы «*поставить свои желанія, капризы, часто безудержную блажь*». Если-бы Гр. Петровъ хоть сколько нибудь понималъ русскій народъ, онъ не сталъ-бы говорить и о правахъ народа, о требованіи будто-бы народомъ уваженія его правъ, такъ какъ народъ русскій, — по духу истинно христіанскій, каковы, впрочемъ, надо думать, и всѣ народы въ ихъ низшихъ слояхъ, въ первобытномъ, въ дѣтскомъ, такъ сказать, ихъ состояніи, — никакихъ правъ за собою не признаетъ, воли своей не выражаетъ, напротивъ считаетъ себя виновнымъ въ томъ, что не исполняетъ воли Божіей, и сокрушаясь объ этомъ, сочтетъ преступнымъ всякое выступленіе съ требованіемъ какихъ-либо правъ, какъ считаетъ преступниками, разбойниками

*) Ибо любовь животворитъ, а ненависть все мертвитъ.

и Пугачева, и Стеньку Разина, которые какъ и Гапонъ, какъ и Гр. Петровъ, такъ-же выставляли себя защитниками народа, его правъ. Народъ русскій, не признавая за собою какихъ-либо правъ, не считаетъ себя и источникомъ закона и власти, а лишь сокрушается, что является источникомъ преступлений, которыми обусловливается необходимость закона и власти; источникъ-же закона и власти народъ русскій видитъ въ Богѣ и исповѣдуетъ съ апостоломъ, что всякая власть отъ Бога. Что-же касается такъ называемыхъ представителей народа, то они не только не выражаютъ истиннаго голоса народа, а являются, какъ и бюрократія, средостѣніемъ между народомъ и руководителемъ народа въ дѣлѣ Божьемъ, т. е. Самодержцемъ, Царемъ. Эти мнимые представители народа, присвоивъ себѣ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи специалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія, невѣжеству даютъ власть надъ знаніемъ и умомъ.

Заявленіе Гр. Петрова, — на стр. 4—5 брошюры, — что «исторія знаетъ длинные ряды темныхъ и кровавыхъ царствованій, но не было и нѣтъ еще царя, который-бы могъ сказать: Въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе. Мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей», — свидѣтельствуетъ, что Гр. Петровъ совсѣмъ не знакомъ съ русской исторіей, не знаетъ ни Владиміра Святого, который не хотѣлъ казнить даже преступниковъ, — не знаетъ и Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Михаила Тверскаго и другихъ князей и правителей нашихъ, изъ которыхъ многіе признаны святыми, которыхъ признавалъ святыми и Гр. Петровъ, будучи священникомъ, если только онъ не лицемѣрилъ. Никто, конечно, изъ святыхъ правителей нашихъ не сказалъ-бы о себѣ — «въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе, мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей», — но о нихъ это было сказано причисленіемъ ихъ къ лику святыхъ, что гораздо важнѣе, чѣмъ собственное гордое самоопредѣленіе. Если-бы Гр. Петровъ зналъ русскую исторію, то и въ царствованіи Ивана Грознаго онъ увидаль-бы не Малоту лишь, который имѣлъ будто-бы «власть купаться въ крови невинныхъ жертвъ» (стр. 9 я), а что либо и другое. Да и точно-ли была невинною кровь, пролитая Иваномъ Грознымъ и его опричниками? Объ этомъ не мѣшало-бы справиться Гр. Петрову хотя-бы у Валишевскаго, который, какъ полякъ, склоненъ видѣть во всемъ русскомъ, и особенно въ Иванѣ Грозномъ, скорѣе дурное, чѣмъ хорошее.

Далѣе, на стр. 5-й, Гр. Петровъ говоритъ: «Высшіе классы господствуютъ надъ низшими. Они маленькой кучкой держатъ въ кабалѣ все остальное населеніе, десятки и сотни трудящихся милліоновъ. Захватили у низшихъ классовъ все: богатство, власть, науку, искусство, даже религію». Но развѣ у низшихъ классовъ было когда-либо богатство, была когда-либо власть? Если у низшихъ классовъ были когда-либо и богатство и власть, и все это могли захва-

тять, отнять у нихъ высшіе классы, въ такомъ случаѣ нынѣшніе низшіе были тогда не низшими, а высшими, отнявшіе же у нихъ богатство и власть были тогда не высшими, а низшими, и съ точки зрѣнія Гр. Петрова и его присныхъ имѣли, слѣдовательно, право отнять у нынѣшнихъ низшихъ, а тогда высшихъ, богатство и власть! Но если нынѣшніе высшіе имѣли право это сдѣлать, то за что-же изрыгаются на нихъ громы и хула?!.. А наука и искусство развѣ захвачены высшими у низшихъ, а не произведеніе высшихъ, которые, благодаря лишь выпавшему на ихъ долю досугу и могли создать науку и искусство изъ того зародышнаго состоянія, въ которомъ наука и искусство находились у народа въ его младенчествѣ, до выдѣленія изъ общей массы людей, имѣвшихъ возможность не все время отдавать на пріобрѣтеніе самыхъ первыхъ необходимыхъ средствъ къ существованію и посвятившихъ свой досугъ, въ силу живого тогда въ нихъ родственнаго чувства, на созданіе наукъ и искусствъ, которые первоначально были лишь изслѣдованіемъ путей, способовъ къ обезпеченію жизни, т. е. наука и искусство первоначально были,—какъ и должны быть,—только орудіями религіи, которая есть дѣло нашего спасенія отъ грѣха и отъ неразрывно съ нимъ связанной смерти. Въ этомъ и воля Бога, нашего отца, Который не хочетъ, не можетъ хотѣть, чтобы кто погибъ изъ чадъ Его, «но да вси въ покаяніе прійдутъ» (2-е посл. ап. Петра III, 9). Ради нашего спасенія отъ смерти, или обезпеченія жизни, приходилъ на землю и Спаситель Нашъ, Господь Иисусъ Христосъ. А если религія есть дѣло нашего спасенія отъ грѣха и смерти, дѣло обезпеченія жизни и при томъ всѣхъ, безъ всякихъ исключеній, то какъ высшіе классы могли-бы сдѣлать религію своей служанкою, а низшимъ вмѣсто религіи дать грубое суевѣріе?! Религія, т. е. дѣло спасенія всѣхъ отъ грѣха и смерти, дѣло обезпеченія всѣмъ жизни, —слишкомъ большое дѣло, невозможное ни для отдѣльнаго чловека, ни для кучки людей, оно возможно только церкви, церкви вселенской, т. е. всему объединенному роду чловеческому. Какъ-же возможно кому-либо отнять это дѣло, присвоить его себѣ, въ личную собственность, обратить на свою службу, сдѣлать изъ религіи свою служанку?!.. Не очевидно-ли, что тотъ, кто думаетъ это сдѣлать, самъ попадаетъ въ грубѣйшее суевѣріе, а упрекающій кого либо въ обращеніи религіи въ свою служанку не отдалъ себѣ отчета въ томъ, что говоритъ, не уяснилъ себѣ, что такое религія. Во что-же послѣ этого обращаются эти звонкіе слова: «Захватили у низшихъ классовъ все: богатство, власть, науку, искусство, даже религію. Сдѣлали послѣднюю своею служанкой. А массамъ народа оставили нищету и невѣжество. Вмѣсто радости дали пьянство. Вмѣсто религіи грубое суевѣріе. И трудъ. Каторжный, неблагодарный, незнающій отдыха трудъ». И какъ это совмѣстить—«вмѣсто радости дали

пьянство» (очевидно беспросыпное ньянство) «си трудъ, каторжный, неблагодарный, незнающій отдыха трудъ». Кто трудится, не зная отдыха, тому пьянствовать некогда; а кто заставляет трудиться безъ отдыха, не можетъ допустить пьянства.

Упрекая высшіе классы въ томъ, что «захваченное то силою, то хитростью, лукавствомъ» они «называютъ *священною* собственностью», называютъ священною собственною и землю, которую захватили немногіе, готовы назвать священною собственностью небо и воздухъ, море и звѣзды, если-бы могли ихъ захватить въ свои руки,—Гр. Петровъ упрекаетъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ томъ, что они не сбличаютъ въ этомъ богатыхъ, не осуждаютъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ и приводитъ въ примѣръ Іоанна Златоуста, который говорилъ: «Всякій богачъ—беззаконникъ или наслѣдникъ беззаконника». Но, замѣчаетъ Гр. Петровъ, «эти рѣчи Іоанна, какъ и слова немногихъ другихъ великихъ отцевъ церкви, были только рѣдкими свѣтлыми лучами евангельской правды, прорвавшейсквозь густую мглу собственнической сытости (стр. 6-я брошюръ)».—Называть собственность *священною*, конечно, не по христіански, какъ не похристіански и приходъ обращать въ *юридическое* лицо. Христіанство, и именно православное христіанство, требуетъ такого общенія, или общества, обнимающаго весь родъ человѣческій, которое держалось-бы внутреннимъ чувствомъ, и не нуждалось-бы ни въ какихъ сдержкахъ, ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ; а потому общества, въ основѣ которыхъ лежатъ начала *юридическія* и *экономическія*, раздѣляющія людей, держащія людей *насторожъ* въ отношеніи другъ друга, должно признать обществами несовершеннолѣтнихъ, которыя нуждаются въ дядькахъ для сохраненія мира въ средѣ ихъ. Образецъ для христіанскаго, т. е. совершеннаго, общества, для церкви, данъ въ догматѣ Пресвятой Троицы, который не догматъ только, но и заповѣдь, заповѣдь для людей не въ отдѣльности, а въ ихъ совокупности. Признавая нераздѣльность, и самое глубокое единство Божественныхъ лицъ, а вмѣстѣ и ихъ совершеннѣйшую самостоятельность, догматъ Пресвятой Троицы требуютъ, чтобы и въ родѣ человѣческомъ при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ было и полное ихъ единство. Только достигнувъ многоединства, подобнаго Божественному Тріединству, родъ человѣческій будетъ образомъ и подобіемъ Божиимъ; по одиночкѣ же быть подобными Тріединному Богу, мы не можемъ, и каждый человекъ въ отдѣльности,—какъ-бы ни старался онъ увѣрить себя въ собственномъ достоинствѣ,—можетъ чувствовать лишь свою малость, свое ничтожество, свое полнѣйшее неподобіе Богу. А пока мы недостигли еще совершенства, къ каковому призываетъ насъ Христось, пока наше общество все еще въ основѣ своей имѣетъ

право собственности, т. е. *экономическія и юридическія начала*, какъ къ такому состоянію общества должна относиться церковь,—церковь, слагающаяся, но недостигшая еще полноты, ни по объему, такъ какъ не обняла всего рода человѣческаго, ни по глубинѣ, потому что не переродила всего человѣка,—какъ должна относиться церковь и ея служители къ собственникамъ (богатымъ) и къ завидующимъ имъ неимущимъ, стремящимся стать на мѣсто богатыхъ, завладѣть ихъ достояніемъ?—Служители церкви, не становясь на сторону богатыхъ, убѣждая ихъ *не себѣ собирать сокровища, а въ Бога богатѣть* (Луки, XII, 21), тѣмъ менѣе могутъ стать на сторону завидующихъ богатымъ, на сторону тѣхъ, которые зарятся на богатства, возбуждаютъ въ себѣ ненависть къ богатымъ, возводя на нихъ всякаго рода, даже несомвѣстимыя, обвиненія, не останавливаются и передъ насиліемъ, чтобы завладѣть достояніемъ богатыхъ, чтобы завладѣть имъ для себя, конечно, а не ради Бога, такъ какъ Богъ и насиліе—понятія несомвѣстимыя. Служители церкви къ распрѣ, къ борьбѣ, поднимаемой неимущими противъ богатыхъ, должны отнестись такъ-же, какъ и Христосъ къ просьбѣ со стороны одного изъ братьевъ,—велѣтъ брату его раздѣлить съ нимъ достояніе. Христосъ въ отвѣтъ на эту просьбу спросилъ: «кто Меня поставилъ судить или дѣлить васъ» (Луки, XII, 13, 14, 15)? И обратившись къ окружающимъ, сказалъ,--берегитесь любостыжанія, которое Онъ усмотрѣлъ, очевидно, въ просьбѣ обиженнаго братомъ. Такое-же любостыжаніе, на сторону котораго не могутъ стать служители церкви, проявляется и въ стремленіи неимущихъ отнять достояніе у богатыхъ. Христосъ сказалъ:—берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Луки, XII, 13—15). Этимъ Христосъ ясно показалъ своимъ послѣдователямъ, что нужно сторониться отъ всего экономическаго и закрѣпляющаго экономическое правоваго, юридическаго,—*«ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Трїединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ»*,—какъ это говорится на 369 стр. книги «Философія Общаго Дѣла» въ статьѣ «Самодержавіе». Во что-же обращаются упреки Гр. Петрова служителямъ церкви за то, что они, ссылаясь на Бога, не вмѣшиваются въ распредѣленіе богатствъ, не становятся на сторону неимущихъ, старающихся отнять богатства у имущихъ?!.. «Подобныя рѣчи»,—говоритъ Гр. Петровъ на 6 стран. своей брошюры,—«клевета на Бога, насмѣшки надъ нуждою обездоленныхъ, грубое презрѣніе къ страданіямъ милліоновъ трудящихся людей»... Что это, какъ не наборъ словъ, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатлѣніе на людей бѣглочитающихъ, не останавливающихся на прочитанномъ, не отдающихъ себѣ отчета въ прочитанномъ?!.. Что это именно лишь такой, рассчитанный на впечатлѣніе, наборъ страшныхъ и въ тоже время бессмысленныхъ, какъ *жульель*,

словъ, особенно видно изъ дальнѣйшаго. Въ безучастіи служителей церкви къ юридико-экономической жизни людей Гр. Петровъ видитъ—«въ крайнемъ случаѣ тупое непониманіе того, что для христіанина Евангеліе должно быть основой всей жизни, какъ жизни личной такъ и жизни общественной, и жизни государственной. И общество, и государство, какъ и личность, имѣютъ свою правду, равно какъ и свою неправду. Евангеліе и раскрываетъ всѣ виды, всю широту правды. Выдѣлять тутъ одну правду личности, забывая о правдѣ общественной и государственной, нельзя. Это значило-бы суживать смыслъ Евангелія, мельчить дѣло христіанства, отгнать церковь съ улицъ и площадей, съ трибуны народныхъ собраній, съ кафедры законодательства подъ замкнутыя крыши домовъ. Христіанская мораль была-бы ограниченою, недоразвитою, если-бы она имѣла въ виду жизнь и поведеніе одной только личности, не захватывая и неозаряя собой устройство, порядки, жизнь и поведеніе, такъ сказать, и общества и государства» (стр. 6—7-я брошюры).—Да, Евангеліе должно быть основой всей жизни. Но откуда-же это видно, что «и общество, и государство, какъ и личность имѣютъ свою правду, ровно какъ и свою неправду»?!. Неужели то самое, что для личности самой въ себѣ *правда*, то для той-же личности, какъ члена общества, будетъ *неправдою*, а для той же личности, какъ члена государства, будетъ и еще чѣмъ-то? Неужели-же для личности самой въ себѣ будетъ *правдою* одно, для той-же личности, какъ члена общества, *правдою* будетъ другое, какъ члена государства, *правдою* будетъ третье, а какъ гражданина вселенной—четвертое?!. Сколько-же это наберется правдъ въ такомъ случаѣ? Отдалъ-ли себѣ отчетъ самъ Гр. Петровъ въ томъ, что онъ говоритъ?—Христіанство, перерождая человѣка, дѣлаетъ его цѣльнымъ, христіанинъ одинъ и тотъ-же, какъ самъ съ собою, такъ и въ отношеніи къ другимъ; кто самъ съ собою таковъ, а въ отношеніи къ другимъ иной, это уже не христіанинъ, образецъ которому указанъ Христомъ въ дитятѣ;—основная же черта дѣтства есть искренность, т. е. цѣльность. «*Дитя, не только не понимающее* еще ни ранговъ, ни чиновъ, ни всѣхъ отличій, установившихся внѣ царствія Божія, разрушившихъ родство, возникшихъ на его развалинахъ, *но и сознающее* свое родство со всѣми безъ различія положеній, *не знающее* ничего, внѣ родства заключающагося, и потому готовое на услуги всѣмъ безъ соображенія пользы, выгодъ, безъ всякаго лицепріятія,—*дитя*, обладающее такими свойствами, уясняетъ ученикамъ, почему царство Божіе приналежитъ дѣтямъ и въ чемъ они, взрослые, должны уподобиться дѣтямъ, что-бы сдѣлаться членами этого царства; уподобиться-же дѣтямъ значитъ сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, или вновь родиться имъ». «Когда мы были малы, всѣ люди были для насъ братьями и сестрами нашихъ отца—и матери (дяди и тетки); такъ и говорили намъ наши родители, вынужденные примѣняться

къ дѣтскому пониманію, вовсе не подозрѣвая при этомъ, что вынужденное приспособленіе возвращаетъ и ихъ самихъ къ первоначальной истинѣ и благу. А если для дитяти (отрока) всѣ люди братья и сестры его отца и матери, то кто-же онъ самъ, какъ *не сынъ Человѣчскій!* Изъ этого становится понятнымъ, почему родственность есть критерій общаго дѣла (братскаго, сыновняго, отческаго, — братство сыновъ въ дѣлѣ спасенія, воскрешенія отцевъ, и братство отцевъ въ дѣлѣ воспитанія сыновъ), изъ этого становится понятнымъ, почему Евангеліе дѣлаетъ дѣтское чувство условіемъ вступленія въ Царство Божіе. Ибо что такое христіанство? — Евангеліе, т. е. благовѣстіе Царства Божія, всеобщаго спасенія, которое, по евангельскому ученію, и нужно искать прежде всего. Кому-же принадлежитъ Царство Божіе? — Дѣтямъ и тѣмъ, которые, достигши совершеннолѣтія, сохранили дѣтское чувство. Возрожденіе (*родиться свыше* — въ разговорѣ съ Никодимомъ) есть тоже возвращеніе къ дѣтскому чувству» (стр. 58-я «Философія Общаго Дѣла»). — Итакъ, христіанство, возрождая человѣка, возвращая его къ дѣтскому чувству родства со всѣми, вноситъ во всѣ отношенія людей одно родственное чувство, т. е. любовь, отвергающую все юридико-экономическое; и для христіанства нѣтъ разныхъ мѣрокъ, какъ это думаетъ Гр. Петровъ, и всякія отношенія между людьми, порождающія не любовь, а злобу, зависть и ненависть, какъ отношенія юридико-экономическія, чужды христіанству, и вмѣшиваться въ такія отношенія служителямъ церкви значить итти противъ Христа, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость для христіанства, какъ это выше сказано и какъ это очевидно изъ всего изложеннаго.

Но такое невмѣшательство духовенства въ юридико-экономическія отношенія вовсе не значить, что религія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ; это значить лишь, что между людьми существуютъ еще отношенія, основанныя не на родственномъ чувствѣ, не на любви, т. е. такія отношенія, которыя остаются внѣ религіи, и задача церкви — религіонизировать эти отношенія, внести въ основу ихъ родственное чувство, любовь, а не вмѣшиваться въ борьбу изъ-за правъ, изъ-за имущества. Положеніе церкви и ея служителей при такой борьбѣ таково, какъ положеніе отца или матери при ссорѣ ихъ дѣтей, — имъ не до того, чтобы разбирать кто правъ и кто виноватъ изъ ссорящихся, они могутъ только сокрушаться о томъ, что между дѣтьми ихъ нѣтъ родственнаго чувства, и всѣ силы свои направить къ тому, чтобы примирить родственниковъ зраговъ. Таково и христіанство, христіанство византійское, — *высшая форма христіанства*, — христіанство православное, — оно есть печалованіе о гнетѣ и розни и о жертвахъ розни и гнета, т. е. о всѣхъ умершихъ и умирающихъ, — печалованіе, требующее дѣла. Правосла-

віе свѣтской власти, какъ папизмъ, не имѣеть, а потому и угнетать никого не можетъ, но и къ розни, которую подъ именемъ свободы обожаетъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается» (стр. 369-я Филос. Общ. Дѣла). «Для насъ нѣтъ истины ни въ средней исторіи, ни въ новой: въ средней (т. е. въ папизмѣ) мы не можемъ признать исполненія воли Божіей ни въ крестовыхъ походахъ, ни въ замѣнѣ ихъ индульгенціями; нѣтъ для насъ истины и въ новой исторіи, которая есть торжество протестантизма, гуманизма, псевдоантичнаго язычества или-же новаго католицизма, иезуитскаго, невѣрующаго. Отказъ отъ индульгенцій не есть, конечно, противленіе волѣ Божіей, а волѣ лишь папской, но протестантизмъ, какъ и гуманизмъ, не есть исполненіе и воли Божіей, ибо,—требуя свободы, всякаго рода льготъ, политическихъ, религіозныхъ,—протестантизмъ, какъ и гуманизмъ, хочетъ исполненія каждымъ своей лишь человѣческой, личной воли; идеаломъ является *minimum* религіи, или даже полное отреченіе отъ нея, уменьшеніе податей, всякаго рода повинностей... Средняя исторія—духовная, религіозная, новая—свѣтская; въ средней—господство отцевъ, въ новой—бунтъ сыновъ. Съ Петра 1-го наступаетъ время и намъ высказаться за средневѣковое или новое, за католицизмъ или протестантизмъ, или-же отречься отъ нихъ, *примиришь ихъ*» (стр. 377—378-я Филос. Общ. Дѣла).

Куда-же влечетъ насъ Гр. Петровъ, требуя, чтобы служители церкви вмѣшивались въ политическую борьбу, и утверждая, будто политика есть искусство наилучшаго устройства жизни въ обществѣ и государствѣ, въ каковомъ устройствѣ сущность будто-бы и Евангелія съ его ученіемъ о Царствѣ Божіемъ (стр. 7-я брошюры)! А между тѣмъ государство съ его юстиціею, полиціею есть лишь печальная необходимость, порожденная раздѣленіемъ рода человѣческаго на отдѣльные роды, группы и народности съ какими-то особыми правами, которые будто-бы попираются; и пока существуетъ это раздѣленіе, нѣтъ Царства Божія, и служители церкви, дѣло которыхъ именно въ созданіи Царства Божія, могутъ только печаловаться о томъ, что раздѣленіе на государства, на особые народности все еще существуетъ, и ни въ какомъ случаѣ не способствовать закрѣпленію такой раздѣльности,—служители церкви должны направлять всѣ свои силы къ тому, чтобы не было ни іудея, ни еллина, чтобы было, наконецъ, «*едино стадо и единъ пастырь*» (Іоан. X, 16). Такъ всегда и поступало наше русское православное духовенство. Печалуясь о всякихъ раздѣленіяхъ и нестроеніяхъ внутри русскаго народа, печалуясь за нарушителей внутренняго мира, за подсудимыхъ, виновныхъ, какъ предъ властями, призванными самимъ народомъ, такъ и предъ властями монгольскими, во время ихъ ига, русское православное духовенство сдѣлало все возможное для собиранія, умиротворенія, для объединенія сыновъ въ дѣлѣ отеческомъ и для этого

именно создало, можно сказать, наше русское *самодержавіе*, или, вѣрнѣе, перенесло его къ намъ изъ Византіи по паденіи Константинополя, ибо сущность самодержавія заключается въ томъ-же служеніи, въ томъ-же дѣлѣ, которому служить и духовенство, т. е. въ собираніи и умиротвореніи, въ объединеніи сыновъ *въ дѣль* и *для дѣла* отеческаго; а потому не можетъ духовенство и не поддерживать всѣми силами это свое созданіе.—«Самодержавіе есть хранитель нашего единства, и не русскаго только или славянскаго, а вообще единства человѣческаго рода, ибо самодержавіе стоитъ въ праотца—мѣсто. Въ первоначальномъ смыслѣ самодержавіе есть диктатура, вызванная опасностью не отъ другихъ себѣ подобныхъ людей, а отъ силы слѣпой, всѣмъ безъ исключенія грозящей смертью. Самодержавіе,—т. е. власть, въ отца—мѣсто стоящая,—явилось тотчасъ послѣ смерти перваго отца, соединивъ всѣхъ въ единой волѣ, въ единомъ желаніи, вызванномъ утратою, смертію,—самодержавіе было выраженіемъ вѣры въ животворящую силу и невѣріемъ въ окончательное торжество умершвляющей силы, было вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніемъ обязанности (т. е. вѣрою*), клятвою, обѣтомъ) быть орудіемъ силы животворящей и пользоваться умершвляющею силою (умершвляющею по своей лишь слѣпотѣ), какъ средствомъ оживленія» (стр. 375 Фил. Общ. Дѣла). «Самодержавіе предполагаетъ существованіе такого человѣка, который, будучи отвѣтственъ только предъ Богомъ и своею совѣстью, не нуждается для выполненія лежащаго на немъ долга въ какомъ-бы то ни было надзорѣ, ни въ надзорѣ со стороны выборныхъ отъ народа, ни въ обличеніяхъ гласности; и обязанность самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, наконецъ, сдѣлать подобными себѣ, т. е. отвѣтственными лишь предъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставить долгъ безъ исполненія»; т. е. цѣль самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ сдѣлать совершенно-лѣтними (стр. 376 Фил Об. Д.). Въ самодержавномъ государствѣ, переходящемъ отъ *обязательной* повинности, службы, къ *добровольному* исполненію долга, борьба всѣхъ родовъ и видовъ замѣняется общимъ, отеческимъ дѣломъ, дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, обращающимъ ихъ въ братьевъ, такимъ дѣломъ, предъ которымъ все, возбуждающее нынѣ вражду, споры, тяжбы, становится мелкимъ и ничтожнымъ. И потому самодержавіе есть правило, законъ, путь къ совершеннолѣтію; конституціонализмъ-же, не-

*) Слово *вѣра* принимается здѣсь не въ новомъ, нынѣшнемъ учено-сословномъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ какихъ-либо представленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, при чемъ принятіе новой вѣры означало-бы перемѣну лишь въ мысляхъ. Слово *вѣра* принимается здѣсь въ старомъ, народномъ смыслѣ, когда это слово значило клятвенное обѣщаніе, отсюда и *вѣроломный*, что и нынѣ значитъ—нарушитель клятвы, обѣта, а не *вольнодумный*.

допускающей возможности совершеннolѣтія, ограничивающей лишь идеалами юридическаго (правоваго) и экономическаго свойства, ничего высокаго въ себѣ не заключающими и свойственными несовершеннolѣтнимъ,—конституціализмъ, закрѣпляющій несовершеннolѣтіе, узаконяющій раздѣленіе на партіи, борьбу, есть лишь уклоненіе отъ самодержавія, т. е. отъ этого поистинѣ царственнаго пути, исключеніе изъ общаго правила» (стр. 377-я Филос. Общ. Дѣла). «Хотя самодержавіе въ первоначальномъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ обращенія смертоносной силы въ средство оживленія) и утратилось, но въ смыслѣ духовномъ, особенно въ смыслѣ единства всего рода человѣческаго оно еще сохранилось. Выраженіемъ единства рода человѣческаго было императорство. Согласно съ историческимъ значеніемъ императорскаго сана,—всѣ императоры должны составлять *одною*. Только въ наше время, утратившее смыслъ исторической жизни, и возможно говорить о многихъ императорахъ *не какъ объ одномъ*. Для насъ уже не понятно значеніе этого *мы* въ устахъ Императора Востока, или Россіи—3-го Рима; а между тѣмъ происхожденіе его относится, очевидно, къ тому времени, когда сама необходимость заставляла имѣть нѣсколькихъ императоровъ, не нарушая однако единства, которое составляло существенное свойство императорской власти, такъ какъ съ этою властью былъ связанъ миръ всего тогдашняго міра. Это единство при множествѣ, конечно, фикція и даже нѣчто мистическое, какъ находятъ нѣкоторые; но въ настоящее время эта фикція должна и можетъ стать дѣйствительностью, и въ ней не будетъ уже ничего ни фиктивнаго, ни мистическаго, если будетъ признано, что противъ усиливающихся неурожавъ необходимо принять радикальную мѣру, придавъ войскамъ *всѣхъ государствъ* значеніе естество—испытательной силы*). Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ быть расширяема до дѣйствительной *всеобщности*, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу въ дѣлѣ для всѣхъ необходимомъ, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ случайности, отъ каприза погоды. И это лишь первый шагъ въ осуществленіи того, что заключается въ многосодержательномъ понятіи о самодержавіи патриархальномъ, т. е. въ понятіи о самодержавіи въ первоначальномъ его смыслѣ, когда къ духовному присоединялось свѣтское, или не отдѣлялось отъ него, при чемъ знаніе было бы средствомъ осуществленія чаемаго, т. е. средствомъ превращенія невидимаго и ожидаемаго въ

*) Какъ объ этомъ говорится на стр. 656—676 „Филос. Общ. Дѣла“ въ статьѣ — „Разруженіе. Какъ орудіе разрушенія обратитъ въ орудіе спасенія“, а также и въ слѣдующей за ней; и на стр. 1—41 той-же книги въ статьѣ „Обращеніе къ ученымъ духовнымъ и военнымъ по поводу голода 1891 года и опыта вызванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ“.

видимое и осязаемое. Но это понятіе о самодержавіи, по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служилыхъ (находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу,—такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно со времени Екатерины II-й,—подъ вліяніемъ Запада, т. е. невѣрія въ будущность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ*), осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе,—стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы отъ всѣхъ, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могилъ, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась прежде всего въ освобожденіи, начиная съ дворянъ, отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишило жизнь цѣли и смысла и обрекло Россію, какъ и весь родъ человѣческой, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводитъ тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности; тогда какъ самодержавіе въ истинномъ смыслѣ есть путь къ достиженію цѣли, совершеннолѣтія, и не ставя своею цѣлью благосостоянія живущихъ, гедетъ ихъ къ несравненно большому благосостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достиженіи одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщая блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ» (стр. 383—384 Филос. Общ. Дѣла). «Православіе, какъ печалованіе о розни и гнетѣ, или небратствѣ, находитъ свой образецъ въ безграничной любви и преданности Сына Божія и Духа Святого къ Богу Отцу, т. е. въ основномъ догматѣ, а вмѣстѣ и заповѣди христіанства, въ заповѣдъ для людей, вѣрнѣе—для сыновъ и дочерей человѣческихъ въ ихъ совокупности, въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, какъ высшемъ выраженіи любви. «Ты во Мнѣ (Отецъ въ Сынѣ) и Я въ Тебѣ» (Сынъ въ Отцѣ), это—Божественный патріотизмъ,

*) Христіанскую любовь нельзя отождествлять съ жалостью; христіанская любовь вѣритъ въ великое назначеніе человѣка и имѣетъ цѣлью устранить самыя причины людскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыя признаютъ неизбежными. Любовь превращается въ жалость только при отсутствіи всякой вѣры и надежды; и это не христіанство, не воскрешеніе, а буддизмъ, который видитъ избавленіе отъ бѣдствій жизни только въ потерѣ жизни, т. е. въ нирванѣ.

какъ образецъ патриотизма земного, выраженнаго въ словахъ:—«*и тѣ въ насъ едино будутъ*». Православіе, которое и есть Божественный патриотизмъ, даетъ освященіе земному патриотизму, находящему свое выраженіе въ самодержавіи и народности. Въ приведенныхъ словахъ Первосвященнической молитвы Господа Нашею Иисуса Христа и заключается молитва объ осуществленіи Божественнаго патриотизма на землѣ чрезъ самодержавіе, руководящее народъ въ дѣлѣ объединенія по образу Божественнаго Трїединства. Самодержавіе, какъ стоящее въ отцевъ—мѣсто, какъ душеприказничество, есть по существу патриотизмъ, что выражается и въ словѣ *Мы*, употребляемомъ самодержцемъ, ибо подъ этимъ *Мы* разумѣется не одинъ говорящій, но и всѣ, вмѣсто которыхъ стоитъ онъ. Въ этомъ *Мы* выражается, что онъ, самодержецъ, живетъ не для себя (эгоизмъ) и не для другихъ (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ, т. е. со всѣми живущими для всѣхъ умершихъ;—и только въ жизни всѣхъ живущихъ для всѣхъ умершихъ и возможно земное благополучіе, это и есть то блаженство, которое христіанство обѣщаетъ только въ будущемъ, а даетъ его и въ настоящемъ. Получившій освященіе самодержецъ, какъ руководитель сыновъ и орудіе Бога отцовъ, осуществляетъ вмѣстѣ съ народомъ образецъ, данный въ Божественномъ Трїединствѣ, ибо и самъ народъ заключаетъ уже въ себѣ все, необходимое для такого осуществленія, что имъ и выражено въ самомъ названіи себя *славянами*, т. е. не славными, какъ это слѣдуетъ по дворянски, а *славящими отцевъ своихъ*, т. е. служащими имъ, какъ это должно по крестьянски, по сельски, по деревенски, по понятіямъ народа, живущаго у могилъ отцевъ, у праха предковъ. То-же самое выражается и въ названіи арийцевъ, что значитъ не *достопочтенные*, а чтущіе своихъ отцовъ, въ противоположность не чтущимъ отцовъ, или нечестивымъ, безбожнымъ, неземледѣльческимъ, лишеннымъ отечества;—для народовъ земледѣльческихъ, какими были арийцы, экспроприація есть, въ мѣстѣ съ тѣмъ, и экспатріація, лишеніе отечества. Почитаніе, поминовеніе отцовъ есть общая черта всѣхъ земледѣльческихъ народовъ и особенно народа русскаго. Почитаніе отцовъ выражается и въ обычаѣ брать съ собою при переселеніи горсть земли съ могилъ отцовъ, т. е. прахъ предковъ» (стр. 385—386-я Филос. Общ. Дѣла). «Съ самодержавіемъ начинается переходъ отъ знанія къ дѣлу; въ дѣлѣ же возсоединяются три неестественно отдѣльныя знанія: теологія (Богъ), психологія (человѣкъ) и космологія (міръ), ибо отдѣленіе теологіи отъ психологіи есть отдѣленіе Бога отъ человѣка, т. е. отъ отцовъ и сыновъ, отдѣленіе психологіи отъ космологіи есть отдѣленіе души отъ тѣла, или отрицаніе регуляціи, т. е. управленія слѣпой силы разумомъ, но разумомъ не отвлеченнымъ, а сыновнимъ; при отрицаніи регуляціи міръ становится, или остается, неразумною и без-

душною силою, а психологія—безсильнымъ разумомъ и чувствомъ. Регуляція,—взаимнъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ къ истощенію и разрушенію,—есть только направленіе, которому теологія даетъ цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средство. Регуляція и есть общее дѣло, дѣло братское сыновъ, исполняемое ради отцевъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство, и является первою причиною небратства. Такимъ образомъ самодержецъ становится инициаторомъ въ вопросѣ о причинахъ небратства и о средствахъ возстановленія братства, родства, въ вопросѣ о томъ, какъ всѣ люди могутъ въ разумъ истины притти; самодержцу принадлежитъ починъ въ переходѣ науки отъ знанія *причинъ—вообще* къ знанію *причинъ небратства*, къ наукѣ плодотворной, къ наукѣ, переходящей къ дѣлу, къ наукѣ, которая не можетъ ограничиваться знаніемъ, отвѣчающимъ лишь на вопросъ—*почему сущее существуетъ*, а желаетъ знать, почему живущее умираетъ,—не можетъ ограничиваться лишь знаніемъ *зла и добра*, а считаетъ долгомъ искорененіе перваго и водвореніе втораго; словомъ, самодержецъ становится инициаторомъ въ переходѣ науки отъ нынѣшняго ея отвлеченнаго, бездушнаго состоянія, въ науку братскую, сыновнюю, отеческую, и только въ такой наукѣ, въ такомъ знаніи и можетъ быть участникомъ самодержецъ» (стр. 391—392 Филос. Общ. Дѣла). «Вступленіе самодержца въ предводительство (а не предсѣдательство) учеными сдѣлается новою эпохою, эрою, великимъ переворотомъ въ наукѣ, благодаря которому два класса ученыхъ соединятся, и не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи будутъ тогда заниматься *не изученіемъ лишь* останковъ отжившаго, разрушеннаго, а натуралисты—*не изученіемъ—только* умершавшаго, разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ, или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) текущаго для возстановленія протекшаго (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ живоносную; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ братотворенія чрезъ исполненіе сынами долга къ отцамъ. Самодержавіе можетъ приобрѣсти полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ свое непосредственное руководство два съѣзда, соединенные въ одинъ, постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два съѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: съѣздъ историко-археологическій, въ которомъ соединяются знанія о человѣкѣ, знаніе протекшаго и текущаго—въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ, и съѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно-санитарнаго вопроса. Принявъ подъ свое руководство этихъ испытателей жизни человѣческой и жизни природы, самодержавіе получитъ возможность провѣрки знанія офици-

ціальнаго знаніемъ добровольнымъ, знаніемъ наиболѣе безпристрастнымъ, и избавится отъ необходимости прибѣгать къ гласности (газетной или журнальной), къ гласу народа въ лицѣ мнимыхъ его представителей, который также не безпристрастенъ, пока весь народъ не сталъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ. Вопросъ о самодержавіи и конституціи рѣшается самимъ знаніемъ въ пользу перваго, ибо конституція сама есть одинъ изъ неистинныхъ способовъ знанія, — даже, можетъ быть, болѣе неистинный, чѣмъ знаніе оффиціальное, — способъ худшій самой гласности, которая также ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истиною, и будучи ничтожною, какъ сплетня, становится страшною, когда достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Конституція, рассматриваемая какъ способъ знанія, должна быть отнесена къ самымъ не компетентнымъ, ибо она мнимымъ представителямъ народнымъ даетъ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи специалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія; т. е. конституція невѣжеству даетъ власть надъ знаніемъ и умомъ. Глупость, сказалъ гдѣ-то Герценъ, есть сила; но онъ не добавилъ, что конституція развязываетъ руки этой силѣ, даетъ ей власть. Самодержавіе ставитъ, прежде всего, знаніе внѣ интересовъ земныхъ, выше области себялюбія и самолюбія, а потому знаніе, не искаженное страстями, становится безпристрастнымъ. Изъ всѣхъ способовъ знанія самодержавною властью народа, каковы — *оффиціальное*, или бюрократическое, *конституціонное*, въ которомъ представительство закрываетъ собой народъ такъ-же, какъ и въ первомъ способѣ чиновничество, *журнальное* или *газетное*, лживость котораго стала общепризнанною истиною, — выше всѣхъ стоитъ *знаніе научное*, т. е. познаніе чрезъ особое сословіе, которое истину сдѣлало своимъ предметомъ, своею цѣлью, и которое имѣетъ свои *соборы*, или *сгнзды*. Но и наука, какъ выводъ изъ наблюдений и кабинетныхъ опытовъ, сдѣланныхъ *кой-гдѣ*, *кой-когда* и *кой-къмъ*, не можетъ быть признана истиною; а для того, чтобы знаніе стало выводомъ изъ наблюдений, производимыхъ *вспми*, *вездѣ* и *постоянно*, нужна власть, которая просвѣщеніе, т. е. введеніе всѣхъ въ область знанія, сдѣлала-бы обязательнымъ; тогда и опыты изъ кабинетныхъ, искусственныхъ, сдѣлались-бы естественными, т. е. изъ опытовъ, въ кабинетахъ производимыхъ, сдѣлались-бы опытами въ природѣ совершаемыми, изъ опытовъ въ маломъ видѣ — опытами въ натуральную величину, — сдѣлались-бы *регуляцією силами природы*. Иначе сказать, для науки, чтобы ей знать истину, или быть истиною, нужна самодержавная власть, а для самодержавной власти нужна истина, нужна наука» (стр. 393—394 Филос. Общ. Дѣла). «Трудная задача самодержавія, его святая обязанность заключается въ томъ, чтобы, освободивъ науку отъ рабства купцамъ и фабрикантамъ, сдѣлать ее орудіемъ религіи. Наука, находясь подъ игомъ фабри-

кантовъ и купцовъ, должна доказывать, что нѣтъ другого блага кромѣ того, которое производится на фабрикахъ: для процвѣтанія фабрикъ, производящихъ земныя блага, нужно отрицаніе блага небеснаго».... «Въ настоящее время, когда для самодержавія нуженъ новый способъ знанія, въ это время для науки наступилъ кризисъ. Наука, говорятъ мнимые ея защитники, — стараясь оправдать несостоятельность науки относительно истиннаго блага, — наука, говорятъ, не давала обѣщаній. Дѣйствительно, наука, составляющая одно съ философіею, не только не давала обѣщаній, но и отрицала обѣщанія религіи; теперь же, когда наука совершенно отдѣлена отъ философіи, философія, лишившись рукъ, пала, а наука, потерявъ голову, все болѣе и болѣе распадается».... «Разумъ, или наука, находится еще въ дѣтскомъ, или — вѣрнѣе — въ эмбриональномъ состояніи, т. е. онъ, разумъ, не собрался еще воедино, еще не владѣетъ своими членами и даже не имѣетъ ихъ. Задача самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы помогать рожденію науки, переходу ея отъ сословнаго, состоянія ко всеобщему, къ дѣйствию во внѣшнемъ мірѣ»....

Вотъ что такое православіе и самодержавіе; а Гр. Петрову православіе представляется особымъ видомъ атеизма, атеизмомъ практическимъ, безбожіемъ воли, побѣдоносцевщиною; самодержавіе же ему кажется отживающимъ. — Православіе небезвольно; воля православія выразилась въ созданіи, или водвореніи, у насъ самодержавія, въ видахъ именно осуществленія христіанства; самодержавіе же не отживаетъ, а начинаетъ только жить, оно только приходитъ еще къ самосознанію.

Обозвавъ направленіе нашей церковной жизни *побѣдоносцевщиною, духовно-оскопленною, нравственно обезкровленною византійщиною*, Гр. Петровъ со всею силою злобы обрушивается на наше духовенство за поддержку и укрѣпленіе *издыхающаго*, какъ онъ выражается, самодержавія, за то, что «по указанію правящаго русскою церковью монашества, православіе тѣсно слито съ самодержавіемъ и потому все, что идетъ противъ самодержавія, все это, по мнѣнію монашествующихъ сановниковъ церкви, идетъ и противъ церкви, и противъ Бога, и противъ Христа». (14-я стр. брошюры Гр. Петрова). Нашъ самодержавный строй Гр. Петровъ считаетъ самымъ негоднымъ. — А между тѣмъ всѣ недостатки нашего строя происходятъ отъ уклоненій, отъ измѣны истиннымъ началамъ православно-самодержавнаго строя, и суть плоды личныхъ слабостей, недостатковъ и пороковъ правящихъ; угодничество же слабостямъ правящихъ со стороны нашего духовенства есть лишь результатъ личныхъ слабостей духовныхъ лицъ; но на страницѣ 2-й своей брошюры самъ Гр. Петровъ говоритъ: «Я беру здѣсь не личныя слабости, недостатки и, даже, пороки духовныхъ лицъ. Это личное, человѣческое, мимолетное, переходящее. Я разумѣю *основное* направленіе исторической дѣятельности духовенства,

тотъ отпечатокъ, который оно, духовенство, на протяженіи XIX вѣковъ накладывало и накладываетъ на кристально-чистое и небесно-высокое ученіе Христа». А между тѣмъ очищенные отъ личныхъ слабостей, недостатковъ и пороковъ властителей и духовныхъ лицъ, — которые и приводятъ къ измѣнѣ основнымъ началамъ православно-самодержавнаго строя, — *православіе* является истиннымъ ученіемъ Христа, а *самодержавіе* — осуществленіемъ этого ученія въ жизни, такъ что христіанство, православное христіанство безъ самодержавія оказывается немислимымъ. *Основная-же причина незавершенности* христіанства и чувствуемой вслѣдствіе сего недостаточности его заключается не въ духовенствѣ, а въ наукѣ и служителяхъ ея, потому что наука стала рабою фабрики и торга, и какъ чистая стала безучастною къ общимъ бѣдствіямъ людей, а какъ прикладная сама вноситъ вражду и мануфактурнымъ производствомъ и усовершенствованіемъ военнаго искусства. Языческимъ состояніемъ, въ которомъ все еще пребываютъ именующіе себя христіанами, мы обязаны наукѣ, «возрожденіе которой связано съ возрожденіемъ литературы древней Греціи и Рима, литературы языческой, а современная наука есть только дальнѣйшее развитіе этой дохристіанской еще литературы. При этомъ возрожденіи, или вырожденіи, своемъ, наука поставила цѣлью земное наслажденіе, и потому производство предметовъ наслажденія, роскоши, — которые въ тоже время и предметы, производящіе раздоръ, — заняло съ тѣхъ поръ первое мѣсто, сдѣлало жизнь языческою (рознь); объединеніе-же, примиреніе всѣхъ въ дѣлѣ спасенія, или искупленія, т. е. христіанство, вынужденное оставаться только вѣрою безъ *единого* общаго дѣла, обратилось съ тѣхъ поръ въ мертвый догматъ. Не имѣя *общаго* дѣла, христіанство стало индивидуализмомъ, т. е. спасеніемъ только *личнымъ*, спасеніемъ *врознь* вмѣсто *общаго* спасенія. Вытѣсненное изъ дѣйствительной жизни, христіанство сдѣлалось спиритуализмомъ, т. е. внутреннимъ лишь, духовнымъ спасеніемъ, а не воскресеніемъ во плоти; другими словами, — религія вынуждена была удалиться изъ міра, стать внѣмірною, оставивъ міръ наукѣ и ея дочерямъ, — цивилизации, т. е. вырсжденію душевному, и культурѣ, т. е. вырожденію тѣлесному, вымиранію, — оставивъ родъ человѣческой въ подчиненіи слѣпой силѣ, орудіемъ которой онъ и сдѣлался, какъ въ дѣлѣ производства предметовъ наслажденія и вражды (мануфактура), такъ и въ борьбѣ за нихъ всѣми средствами, всѣми способами, всѣми все болѣе совершенствующимися орудіями взаимнаго истребленія» (стр. 481-я Фил. Общ. Дѣла). Подъ вліяніемъ науки свѣтское, мірское, допускающее вражду и бывшее прежде синонимомъ грѣховнаго, въ настоящее время не признаетъ себя грѣховнымъ и, мало того, во враждѣ и борьбѣ усмотрѣло путь къ прогрессу, въ своихъ недостаткахъ видитъ свое достоинство. Въ настоящее время возводится въ обязанность недостигать, а сознавать свое достоинство, считая его врожденнымъ, вѣроятно по происхожденію отъ приматовъ. —

Гр. Петровъ, не замѣчая недостатковъ науки и ея служителей, не замѣчая растлѣвающаго влiянiя науки на жизнь, обрушивается всею своею ненавистью на христіанство, и на христіанство въ высшей его формѣ, по признанiю нашихъ предковъ, принятое по испытанiю всѣхъ вѣръ нашимъ народомъ, на православiе византійское. Византійское православiе такъ цѣнилось нашими предками, что паденiе Константинополя въ народныхъ сказанiяхъ изображается даже большимъ бѣдствiемъ, чѣмъ само монгольское иго. И вотъ это-то православiе, столь дорогое сердцу нашего народа, что онъ и не называетъ себя иначе какъ православнымъ, Гр. Петровъ, обругавъ его монашескимъ византiйствомъ, бездушною побѣдоносцевщиною, и отмѣчаетъ *всѣмъ* своимъ *разумнiемъ* и *всею крѣпостiю силъ*, какъ это онъ заявляетъ на послѣдней страницѣ своей брошюры. Дѣлая такое заявленiе, Гр. Петровъ тѣмъ не менѣе вѣритъ, «что правда Христова все осилитъ, и что какъ русская церковь, такъ и русскiй народъ будутъ свободны и будутъ свободно строить на своей родинѣ Царство Божiе». Что-же это однако значитъ? *Не значитъ-ли это*, что каждый народъ, строя Царство Божiе на своей родинѣ, будетъ строить по своему, и у каждаго народа будетъ свое особое Царство;—но будетъ—ли оно тогда Царствомъ Божiимъ? Впрочемъ, если, по понятiю Петрова, каждый человекъ имѣетъ не одну, а *многo правдъ*, то почему-же каждому народу не имѣть своего особаго Царства Божiя, своего Бога!... *Не значитъ-ли это*, что не Царство Божiе, не самое строенiе этого Царства насъ освобождаетъ, а нѣчто другое, и что русской церкви, русскому народу надо *прежде освободиться*, чтобы «свободно строить на своей родинѣ Царство Божiе»? И можетъ быть освободиться такимъ способомъ, или путемъ, на который сталъ тоже бывший священникъ Гапонъ, собравшiй 9 января 1905 года стотысячную толпу, силою ворвавшуюся въ церкви, силою взявшую тамъ кресты и образа и направившуюся къ Царю, «за правдою и справедливостiю», по словамъ Гр. Петрова, а на самомъ дѣлѣ съ требованiемъ, чтобы силою было отнято достоянiе богатыхъ... Такая-же многотысячная толпа, которую Христосъ накормилъ пятью хлѣбами, хотѣла, какъ и предводимая Гапономъ, учинить насилiе подъ предводительство мъ Христа, провозгласивъ Его Царемъ; но Христосъ уклонился отъ этого и вслѣдъ за этимъ хожденiемъ по бушующимъ волнамъ показалъ, что не насилiемъ въ отношенiи другъ друга, а покоренiемъ слѣпыхъ силъ, управленiемъ этими силами, требующемъ знанiя, всеобщаго просвѣщенiя и всеобщаго объединенiя, мы достигнемъ нашего спасенiя, нашего освобожденiя отъ зависимости, рабства слѣпымъ силамъ, которое приводитъ людей къ насилiямъ и другъ надъ другомъ. Христосъ осудилъ при этомъ и сомнѣнiе въ этомъ пути спасенiя въ лицѣ апостола Петра, который по слову Христа вступилъ было на волны, но утравившись и усомнившись сталъ тонуть. Борьба изъ-за богатства, изъ-за вѣщи не только не освобождаетъ насъ, но порабощаетъ, приводитъ къ рабству и невѣжеству; ибо «всякое общество вноситъ

въ себя мракъ (невѣжество), если вещь въ этомъ обществѣ предпочитается взаимности. Раздоръ, вносимый вещью, отчуждаетъ людей другъ отъ друга, душа дѣлается потемками, а наружность перестаетъ быть вѣрнымъ выраженіемъ, откровеніемъ души, дѣлается оболочкой, скрывающей душу, обманомъ. Это и есть обскурантизмъ, при которомъ лицезрѣніе уже не значитъ душезрѣніе, когда о внутреннемъ можно только догадываться, дѣлать заключенія, предположенія, т. е. мыслить, а не видѣть» (стр. 100-я Филос. Общ. Дѣла)*). —Итакъ, на путь-ли Христовъ ведетъ дѣлаемый духовенству Гр. Петровымъ призывъ въ словахъ: «Нарушена вѣдь основная правда общественная. Обижены цѣлые классы населенія. Ограблены милліоны трудового народа. Попираются ногами угнетателей права живущихъ съ ними народностей, грубо унижается ихъ человѣческое достоинство. И неужели духовенству до всего этого нѣтъ дѣла? Кому-же тогда будетъ дѣло». Не призывъ-ли это къ борьбѣ именно за имущество, за права на имущество, и за униженное человѣческое достоинство, измѣряемое, очевидно, количествомъ принадлежащаго человѣку имущества, такъ какъ и попраніе правъ и униженіе человѣческаго достоинства связывается съ ограбленіемъ, съ лишеніемъ имущества? Ограбленіе, насильственное отнятіе имущества, по смыслу рѣчи Гр. Петрова, является и попраніемъ правъ и униженіемъ достоинства. Но какъ могутъ быть поправлены права христіанина, если отнимающему *ризу* онъ долженъ отдать и *срачицу*, какъ можетъ быть унижено его достоинство, если бѣющему по ланитѣ онъ долженъ подставить и другую?!.. Неужели-же достоинство Господа Нашего Иисуса Христа было унижено, когда на него плевали, били по ланитамъ?! О какихъ правахъ, о какомъ достоинствѣ можетъ заявлять и бороться христіанинъ, если образцомъ ему ставится кающійся мытарь, а не превозносящійся фарисей?!.. Не лучше-ли Гр. Петрову признаться, что онъ вмѣстѣ съ Ницше считаетъ и само христіанство, а не византійское лишь православіе, религію рабовъ, и отмести не православіе лишь, но и само христіанство?!.. И какъ понять послѣ призыва, дѣлаемаго Гр. Петровымъ, къ борьбѣ изъ-за несправедливаго распредѣленія имущества, т. е. къ борьбѣ *изъ-за юридико-экономическихъ именно основъ*, какъ понять слова того-же Гр. Петрова на 10-й стр. брошюры: «Общество и государство оставлены были безъ христіанскаго озаренія. Жили и развивались *по своимъ юридическимъ и экономическимъ началамъ, чуждымъ духу Евангелія*». И

*.) Какъ у Ислама *мечъ*, такъ у Евреевъ *деньги* есть орудіе ихъ господства; но не отнимать у нихъ это орудіе мѣны, вражды, невѣжества, а должно замѣнить его просвѣщеніемъ; это и будетъ достигнуто соединеніемъ церквей, на примиреніе имперій основанномъ, на примиренія въ дѣлѣ обращенія городской воинской повинности въ сельскую, т. е. въ дѣлѣ обращенія орудій войны въ средство спасенія отъ голода, въ орудіе регуляціи. Обращеніе-же орудія войны (меча) въ орудіе спасенія отъ смерти будетъ обезоруженіемъ Ислама; а такое обращеніе возможно лишь тогда, когда *все* будутъ обрацаемы въ познающихъ и *все* — въ предметъ знанія, т. е. при всеобщемъ просвѣщеніи, которое и въ дѣлѣ обмѣна устранитъ необходимость денежныхъ знаковъ, этого орудія невѣжества, вносящаго вражду и ведущаго къ господству... Деньги — замѣна внутренняго, на взаимномъ знаніи основаннаго обмѣна, соединеніемъ внѣшнимъ на невѣжество или скрытности основанномъ. (Стр. 620—621 Фил. Общ. Дѣла).

какъ возможно насиліемъ, къ которому призываетъ Гр. Петровъ, прийти къ тому строю грядущаго Царства Божія, «гдѣ все будетъ держаться не внѣшнимъ насиліемъ, а внутреннею, общею, моральною связью», — какъ это рисуетъ тотъ-же Гр. Петровъ на стр. 14-й своей брошюры. Есть и еще несообразности въ этой брошюрѣ, допущенныя, очевидно, съ цѣлю, чтобы напустить туману, въ которомъ легче было бы укрыться отъ возможныхъ обвиненій.

Отметая всѣмъ своимъ разумніемъ и всею своею крѣпостью силъ исповѣданіе, называемое имъ православно-синодальнымъ, рабочимъ монашескимъ византійствомъ, бездушною побѣдоносцевщиною, зачѣмъ-же Гр. Петровъ такъ долго оставался въ числѣ служителей этого исповѣданія? Вѣдь отмечаетъ онъ все это не съ момента написанія письма митрополиту Антонію, не со времени предьявленія ему обвиненій, вызвавшихъ это письмо? Какъ могъ онъ оставаться въ числѣ служителей того исповѣданія, которое отмѣталъ, заявивъ объ этомъ открыто лишь тогда, когда несоотвѣтствующія такому служенію его дѣйствія вынудили прямо поставить ему вопросъ, точнo-ли онъ того исповѣданія, одеждою котораго прикрывается?...

Вся эта брошюра, — письмо митрополиту Антонію, — наполнена ложью, клеветами, и есть выраженіе величайшей наглости, лицемерія, а вмѣстѣ и крайняго невѣжества, и все это рассчитано на тѣхъ, которые не думаютъ о прочитанномъ, а поддаются впечатлѣнію набора страшныхъ, хотя-бы и непонятныхъ словъ.

Городъ Вѣрный
17 апрѣля 1908 г.

Н. П — нъ.

ПРИМѢЧАНІЕ ОТЪ РЕДАКЦИИ.

По поводу ст. «Письмо священника Гр. Петрова митрополиту Антонію».

Помѣщая статью «Письмо свящ. Гр. Петрова митрополиту Антонію» **Н. П-на**, редакция почитаетъ необходимымъ оговориться, что она не во всемъ согласна съ взглядами почтеннаго автора, а именно — съ идеей о реальномъ воскрешеніи, упоминаемой авторомъ только между прочимъ и подробно проведенной имъ въ „Философіи Общаго Дѣла“ покойнаго Н. Э. Федорова. Напечатана-же означенная статья полностью, безъ пропусковъ тѣхъ мѣстъ, съ которыми не можетъ согласиться Редакция потому во 1-хъ, что нежелательно было нарушать полноты изложенія и изъ за уваженія къ тому, что г. **Н. П-нъ** въ этой статьѣ горячо и совершенно правдиво защищаетъ дорогіе сердцу каждаго вѣрующаго православнаго человѣка положенія какъ-то, что 1) Наша Русская Церковь, милостію Божіею была и есть единственная истинная Христова Церковь хранительница апостольскаго ученія и 2) что Самодержавіе есть единственная спасительная для Россіи форма правленія, основа Русской государственной жизни, ея оплотъ и утвержденіе.

ЛОЖНЫЙ ПРОРОКЪ*)

Гораздо отраднѣе для сердца говорить о ближнемъ хорошо, нежели худо, особенно въ томъ случаѣ, если приходится говорить о человѣкѣ, съ которымъ дѣлишь задушевные бесѣды; но если ложныя похвалы его личности поддерживаютъ собою цѣлую систему ложныхъ убѣжденій, то надо обличить эту ложь.

*) По поводу статьи „Міра таинственнаго“ въ 383 № „В. Ж.“.

Я видался много разъ съ В. С. Соловьевымъ отъ 1886 до 1895 года, да и послѣ, до самой его смерти не прерывалъ знакомства съ нимъ. Это былъ высоко одаренный человѣкъ съ разнообразными познаніями, съ недюжиннымъ талантомъ поэтическимъ и съ крупнымъ талантомъ философскимъ. Но онъ вовсе не былъ аскетомъ и вовсе не былъ человѣкомъ искреннимъ. Слишкомъ ранняя знаменитость, — съ 23 лѣтъ отъ роду, нравственно извратила его точно такъ же, какъ и нѣсколькихъ близкихъ мнѣ духовныхъ лицъ, семейныхъ и монашествующихъ. Потребность огромной восторгающейся аудитории есть своего рода алкоголизмъ, и онъ почти всегда соединяется въ послѣдствіи съ алкоголизмомъ запойнымъ, что и случилось съ бѣднымъ Владиміромъ Сергѣевичемъ еще въ молодости. Онъ былъ форменный алкоголикъ, и въ этомъ заключалась причина его недолгой жизни.

Драпируясь съ 25-лѣтняго возраста во внѣшность Юанна Крестителя (по извѣстной картинѣ Иванова), Соловьевъ распространялъ слухи о своемъ дѣвствѣ, о невкушеніи имъ мяса и проч., но все это продолжалось до его перваго паденія и затѣмъ смѣнилось самымъ разнузданнымъ препровожденіемъ времени, хотя бѣдный философъ и продолжалъ поддерживать слухи о своей святости.

Впослѣдствіи, когда нравы публики стали свободнѣе, нашъ писатель, уже окончательно распустившійся, довольно безцеремонно описалъ свое паденіе въ разсказѣ: «Въ вагонѣ» («Вѣстникъ Европы»). Паденіе талантливаго философа шло, конечно, постепенно. Если прослѣдить его постоянное уклоненіе въ сторону то одного, то другого ученія, на ряду съ выраженіями скептицизма и цинизма, съ осмѣваніемъ всего, предъ чѣмъ онъ преклонялся въ молодости, то читатель легко увидитъ, что именно тщеславіе и чувственность были регуляторами его неустойчивой, хотя, повторяю, сильной творческой силы.

Сперва славянофилъ — послѣдователь Кирѣевскаго, Соловьевъ начинаетъ склоняться къ полонофильству, (на что повліяла одна женщина поляка), къ юдофильству и космополитизму, за тѣмъ далѣе воспѣваетъ папизмъ, прямо защищаетъ непогрѣшимость папы въ изданной за границей на французскомъ языкѣ брошюрѣ. Въ это же время онъ перемигивается съ дарвинизмомъ и революціей, а по временамъ допускаетъ крайне циничныя выходки противъ всякой вообще этики («грѣши и не кайся» и т. п. афоризмы автора).

Собственно начало нравственныхъ уклоненій нашего писателя очень скоро послѣдовало за зенитомъ его учебной славы. Его лекціи въ 70-хъ годахъ привлекали въ университетъ тысячную толпу слушателей, но русская лѣнь не давала ему возможности набирать матеріалу болѣе, чѣмъ на 5—6 лекцій въ году, такъ что некрологи Соловьева совершенно напрасно называютъ его профессоромъ петербургскаго университета, лишеннаго каѳедры за свои убѣжденія Про-

Фессоромъ онъ никогда не былъ, а былъ авторомъ нѣсколькихъ публичныхъ лекцій въ году на университетской кафедрѣ. Не имѣя усердія трудиться надъ составленіемъ цѣлаго курса науки, В. С. Соловьевъ еще въ молодости рѣшилъ на одинъ весьма неодобрительный шагъ. Онъ предложилъ столичной публикѣ рядъ «чтеній о Богочеловѣчествѣ», правда, довольно туманныхъ, но тѣмъ болѣе пикантныхъ въ глазахъ нашей не мудрой аудиторіи. Посѣщать, а затѣмъ превозносить эти лекціи и устно, и печатно было признакомъ хорошаго тона, и до настоящаго времени почитатели покойнаго философа называютъ ихъ шедевромъ его ученаго творчества. Однако, увы эти чтенія представляютъ плагіатъ съ Шеллинга, о чемъ неоднократно упоминалось въ духовныхъ журналахъ еще въ прошломъ столѣтіи, но таковыхъ журналовъ (единственно освѣдомленныхъ въ области наукъ философскихъ) наши публицисты не читаютъ, да если и прочитали бы, то все равно сдѣлаютъ видъ, что не читали, потому что вѣдь изъ нихъ сдвигали десятый желаетъ знать и говорить истину, а девять изъ десяти остерегаются лишь такой неправды, за которую можно «оскандалиться».

Та же погоня за славой, которая толкнула талантливаго философа на первый плагіатъ, перегоняла его изъ лагеря въ лагерь, чтобы «угождать всѣмъ людямъ безъ изыятія». Однако нашъ мыслитель былъ всегда настолько хитеръ, что въ каждой статейкѣ оставлялъ себѣ маленькую лазейку, чтобы безнаказанно выбѣжать изъ своего лагеря, когда понадобится,—конечно, при помощи лжи, иногда вовсе безцеремонной. Такъ напр., излавая одною рукою апологію папской непогрѣшимости, онъ писалъ и печаталъ заявленія, что никогда не принималъ и не приметъ католичества (см. его два письма къ архимандриту Антонію). Въ это время онъ былъ уже тайнымъ уніатомъ, т. е. исповѣдывалъ всѣ католическіе догматы, принадлежалъ къ римско-католической церкви, но на началахъ уніи, т. е. съ сохраненіемъ восточнаго обряда.

Съ 1891 года, или ранѣе, его духовникъ о. Варнава (въ Гефсиманскомъ скитѣ близъ Троице-Сергіевой лавры) отказался его исповѣдать («исповѣдуйся у своихъ ксендзовъ»), но Соловьевъ объ этомъ такъ-же тщательно умалчиваетъ, какъ и о своемъ служеніи Бахусу, которое свело его безвременно въ могилу.

Отступники всегда вооружаются на тѣхъ, кто по преимуществу служить для нихъ живымъ укоромъ. Поэтому Соловьевъ съ особою рѣзкостью и безъ сохраненія какой-либо исторической правды поносилъ нашихъ славянофиловъ, идеи которыхъ создали его первоначальную славу въ Россіи. Вѣдь объ диссертациі Соловьева («Кризисъ западной философіи» и Критика отвлеченныхъ началъ) есть ни что иное, какъ распространеніе статей И. В. Кирѣевскаго о западной философіи. Итакъ, понося славянофиловъ, Соловьевъ

старался свести это возвыщенное учение о христіанской культурѣ, о культурѣ моральной, въ противовѣсъ правовой, — на одинъ политическій панславизмъ и, издѣваясь надъ нимъ, противопоставлялъ ему ожидаемый панмонголизмъ.

Это слово было въ полномъ ходу 15 лѣтъ тому назадъ, а для того, чтобы пускать его въ ходъ, не надо было быть пророкомъ, какъ выражено въ статьѣ въ № 383 нашей газеты*). Еще въ 1896 г. я переслалъ академику Васильеву трактатъ китайскаго миссіонера Инокентія Ольховскаго о вооруженіи Китая, о панмонголизмѣ и неизбежности скорой и страшной войны Россіи съ Китаемъ. Война эта, разыгравшаяся въ 1900 году, не оказалась столь страшной, но и Соловьевъ въ своемъ «пророческомъ» стихотвореніи разумѣлъ не Японію, а Китай, и явился такимъ-же пророкомъ, какъ и мы съ вами, если заявимъ, что въ февралѣ наступятъ оттепели, а въ мартѣ покажется травка, а лѣтомъ, вѣроятно, повторится холера.

Правда, Соловьевъ не прочь былъ внушать своимъ почитателямъ, будто онъ существо-сверхъестественное и, пропагандируя ученеіе (одинъ изъ первыхъ въ Россіи) нравственнаго нигилиста Нитцше, онъ иногда шепталъ своимъ друзьямъ, что очень боится мести дьявола за изданную имъ книжку «Антихристъ», книжку дѣйствительно весьма талантливую, близкую по содержанію къ святоотеческимъ толкованіямъ на Апокалипсисъ, но отравленную ядомъ латинской уни и весьма оскорбительно и несправедливо опредѣляющую сущность православія, только какъ привязанность къ старинѣ.

Одною изъ талантливѣйшихъ книгъ по русской философіи нужно признать томъ Соловьева — «Оправданіе добра», гдѣ авторъ сообщаетъ наукѣ собственныя, весьма свѣжія философскія интуиціи и даетъ блестящія характеристики цѣлымъ философскимъ направленіямъ, цѣлымъ эпохамъ и культурамъ.

Однако, имѣя столько дѣйствительныхъ талантовъ, авторъ глубоко унижилъ ихъ желаніемъ представить собою и такія совершенства, коихъ у него не было, т. е. своимъ постояннымъ ломаніемъ ложью и притворствомъ. Газеты сообщаютъ, будто эти качества не оставляли его и на смертномъ одрѣ. Онъ говорилъ тогда своимъ близкимъ: «не давайте мнѣ засыпать, я еще долженъ молиться о спасеніи евреевъ» и при этомъ читалъ на «еврейскомъ языкѣ псалмы». Мы имѣемъ основательныя причины сомнѣваться въ знаніи Соловьевымъ псалмовъ даже на славянскомъ языкѣ, а по еврейски онъ умѣлъ только разбирать буквы и обходиться кое-какъ съ учебн. словаремъ. Но, видимое, желаніе «выдать себя за какого-то великаго» (Дѣян. 8, 9) не оставляло его, какъ Симона Волхва, и тогда, когда пришелъ часъ вознести послѣднее моленіе къ Божественному милосер-

*) «Волынской Жизни».

дію за свою заблудшую душу. Впрочемъ, все-таки онъ исповѣдался и причастился.

Что-же? спросите вы,—нашъ великій Соловьевъ былъ, по вашему, жалкій фигляръ? Нѣтъ, отвѣчу я, но прежде всего прославлять его стала наша журналистика только лѣтъ за 10 до его смерти, когда онъ началъ уже исписываться, но за то сталъ безцеремонно якшаться съ революціонерами и оплевывать свою родину. А чѣмъ можно больше угодить нашей публикѣ, какъ не этимъ послѣднимъ? Вспомните литературный вечеръ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго и рѣчь помѣшаннаго профессора.—Соловьевъ—не фигляръ, это—человѣкъ высокаго таланта, несомнѣнной учености, но онъ никогда не отдавался серьезно, всею душой своимъ убѣжденіямъ, а потому часто мѣнялъ ихъ, или вѣрнѣе сказать никогда не имѣлъ твердыхъ убѣжденій. Это баринъ—озорникъ, какъ мнѣ недавно удачно характеризовалъ одинъ художникъ Льва Толстого. Баринъ-озорникъ, который то въ меланхолію ударится, то въ флиртъ, то вообразить себя пророкомъ, то революціонеромъ—а ренское вино подбадриваетъ фантазію, дамочки еще болѣе, и такъ промотаетъ человѣкъ свою жизнь, а о вѣчности подумать серьезно не успѣетъ.

Извѣстная басня Крылова: «Писатель и разбойникъ» краснорѣчиво описываетъ вредное вліяніе литературныхъ фантазеровъ, тѣмъ болѣе вредное, чѣмъ сильнѣе умомъ былъ его виновникъ.

Таково и вліяніе Соловьева. Вся плеяда нашихъ профессиональныхъ лжецовъ: братьевъ Трубецкихъ, Розановыхъ, Петровыхъ, Семеновыхъ, вся эта на перебой лгущая компанія—плоды соловьевской декаденщины и, по большей части, его ученики и приятели. Пользуясь безпросвѣтнымъ невѣжествомъ русскаго общества въ христіанскомъ ученіи, въ Библии и исторіи церкви, они допускаютъ самыя невѣроятныя вещи. Розановъ выдумываетъ несуществующіе тексты въ Библии, Трубецкій С. преспокойно «скаталъ» свою нелѣпую диссертацию о Логосѣ съ двухъ противорѣчащихъ другъ другу нѣмецкихъ книгъ, Мережковскій и Розановъ вкупѣ проповѣдуютъ заповѣди Моисея, особенно сельмую, безъ отрицательной частицы не, и всѣ вмѣстѣ изображаютъ собою современныхъ николаитовъ или хлыстовъ самаго низшаго разбора.

На дняхъ мнѣ попалось въ «Revue des Eglises» письмо Мережковскаго, гдѣ онъ доказываетъ, что наши революціонеры, не вѣруя во Христа, оказываютъ Ему гораздо большую услугу, чѣмъ всѣ вѣрующіе.

И увы, именно Соловьевъ со своимъ извращеннымъ словомъ и мыслью приблизилъ такое господство нашей позорной литературной эпохи, когда заинтересовать читателей, кромѣ эротоманіи, возможно только тѣмъ, что плести самую невозможную гиль: доказывать цѣломудріе проституціи, честность грабежей, патріотизмъ измѣнниковъ японофиловъ, законность лжи и клеветы и т. п.

Напротивъ, тѣ высокія идеи исправленія полуязыческой европейской культуры началомъ моральнымъ, этой дѣйствительной заслуги Соловьева, за которую Богъ проститъ ему половину его грѣховъ, остались не только не оцѣнимыми его младшими современниками и послѣдователями, но даже и не замѣченными. (В. Е. В.)

Архіепископъ Антоній.

Епархіальная и общая хроника.

☪ **Болезнь его преосвященства епископа Димитрія.** Его преосвященство почувствовалъ себя дурно за литургіей преждеосвященныхъ даровъ въ Великой понедѣльникъ. Къ вечеру болѣзнь приняла уже острый характеръ и уложила преосвященнаго въ постель. Но несмотря на явныя признаки того, что болѣзнь приметъ характеръ продолжительный, владыка не терялъ надежды на скорое выздоровленіе и вѣль энергичное приготовленіе къ предстоящимъ, торжественнымъ богослуженіямъ. Для совершенія чина „Омовеніе ногъ“ была уже приготовлена въ каедральному соборѣ особая площадка и назначены участники... Но надеждамъ его преосвященства не суждено было сбыться; болѣзнь все увеличивалась. Старшій врачъ м. лазарета, докторъ Поярковъ, день и ночь, дежурилъ у постели больного и энергичными усиліями доставилъ больному возможность принять участіе за вечернимъ богослуженіемъ „на послѣдованіи св. страстей“. Владыка могъ прочесть только часть перваго евангелія и удалился въ свои покои. Къ послѣднему евангелію больной вновь появлялся, но также быстро долженъ былъ уйти изъ храма въ свои покои.

Съ разрѣшенія врача преосвященный совершалъ богослуженіе въ первый день Пасхи и едва едва закончивъ службу въ свѣтлый день, владыка уже окончательно улегся въ постель... Пасхальныхъ пріемовъ не было... Въ настоящее время болѣзнь настолько ослабла, что владыка вновь принялся за свои дѣла, хотя и чувствуется еще сильное малокровіе и серьезный упадокъ силъ.

☪ **О монастырской общинѣ въ г. Вѣрномъ.** Архитекторъ С. К. Тропаревскій принялъ на себя трудъ составленія проэкта будущаго монастырскаго корпуса для жилья настоятельницъ, сестрамъ, трапезной и мастерскихъ. По изготовленному проэктору Комитетъ по постройкѣ Общины, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, думаетъ приступить къ постройкѣ въ текущемъ-же году, конечно, если позволятъ средства. Впредь, же до устроенія корпуса для жилья сестрамъ Комитетъ приспособляетъ церковную сторожку.

Кладбищенская церковь съ ея имуществомъ и кладбищемъ, преосвященнымъ Димитріемъ, передана въ вѣдѣніе общины.

☪ **Вооруженное нападеніе на монастырь.** Благочинный города Ташкента, прот. Марковъ, телеграммой сообщилъ владыкѣ, что въ ночь на Вербное воскресенье, русскіе вооруженные ружьями злоумышленники напали на женскій монастырь и похитили церковныя кружки и до 50 руб. денегъ Утварь не тронули.

☪ **Храмовой праздникъ въ Ташкентской Іосифо-Георгіевской церкви.** 4-го Апрѣля 1908 года ташкентская Іосифо-Георгіевская церковь торжественно праздновала свой храмовой праздникъ. Наканунъ дня праздника въ этой церкви было совершено мѣстнымъ причтомъ вечернее богослуженіе, а утромъ въ самый день праздника—литургія преждеосвященныхъ Даровъ и мое бенъ празднику. Все праздничное богослуженіе было совершено по чину и блаГолѣпію. Послѣ

причастнаго стиха настоятель приходскаго храма священникъ Петръ Богородицкй сказалъ поученіе о значеніи храма въ религиозной жизни прихода. По окончаніи литургіи былъ отслуженъ молебенъ съ молитвой къ преподобнымъ Иосифу и Георгію, которую всё молящіяся выслушали стоя на колѣняхъ. Послѣ молебна были провозглашены положенныя по церковному чину многолѣтія. Благодареніе Богу, молящихся въ церкви какъ за вечернимъ богослуженіемъ, такъ и за литургіей, было много.

☪ **Школа безъ учителей.** Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, его преосвященство, посѣщая школьныя занятія мѣстныхъ учебныхъ заведеній, прибылъ, межпрочимъ, ровно въ 12 часовъ дня въ Покровскую церковно-приходскую школу, но тамъ уже никого изъ учителей не было. Между тѣмъ по распisanію занятія тамъ обыкновенно кончаются между 1—3 часами.

Гдѣ-же былъ надзоръ? Или „у семи нянекъ дитя безъ глазу“.

☪ **Деньщики въ войскахъ.** Опубликованнымъ приказомъ по военному вѣдомству утверждено новое положеніе о деньщикахъ. Новымъ положеніемъ число ихъ въ войскахъ сокращено до 20,000 чел. Прежде казенной прислуги было 53,000 чел. Деньщики въ мирное время полагаются только генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ строевыхъ частей войскъ и строевыхъ управленій. Исключеніе допущено только относительно крѣпостей, гдѣ деньщики положены во всѣхъ частяхъ и управленіяхъ, постоянно расположенныхъ въ крѣпости, но тоже только генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ. Всѣмъ этимъ лицамъ положено по одному деньщику. Взамѣнъ остальнаго количества казенной прислуги, полагавашагося этимъ лицамъ, генераламъ и штабъ-офицерамъ выдается еще изъ казны на наемъ 2 чел. по 10 руб. въ мѣсяцъ и оберъ-офицерамъ на 1 чел. *Классныя чины и духовенство деньщиковъ не получаютъ*, а замѣнъ сего удовлетворяются деньгами. Деньщики назначаются желающіе не ранѣе отбытія перваго лагернаго сбора въ строю; передъ увольненіемъ въ запасъ въ строй они не возвращаются, а увольняются съ зачисленіемъ въ разрядъ нестроевыхъ. Они могутъ оставаться на сверхсрочной службѣ, но безъ всякихъ правъ, представляемыхъ этою службою. Деньщики обязаны носить установленную для нихъ форму; ношеніе другой какой-либо одежды—кучерской, лакейской,—безусловно запрещено. Новое положеніе вводится съ 1 января 1909 г.

ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНІЕ НА ТАШКЕНТСКІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

*Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь и Отец!*

Въ ночь на Вербное Воскресенье около 2-хъ часовъ, шайка вооруженныхъ людей незамѣтно проникла чрезъ дувалы въ монастырь. Въ церковномъ корпусѣ, чрезъ открытую, для воздуха, форточку одинъ влѣзъ въ келлію послушницы Матрены Леденовой, только что заснувшей. За тѣмъ открывши окно впустилъ нѣсколько товарищей, а Матрена спитъ и бѣды не чувствуетъ. Зажгли огонь, злодѣи стали осторожно будить Матрону—спрашивая ея указать имъ келлію начальницы. Проснувшись и, увидя предъ собой нѣсколько, съ револьверами, человекъ Матрона обезумѣла отъ страха и, закричала. Одинъ изъ негодаевъ сильно схватилъ ее за горло, мьялъ, душилъ и билъ по груди, приказывая ей молчать, небиться, а исполнять то, о чемъ ее спрашиваютъ и приказываютъ. Не знаю, какимъ родомъ Леденовой удалось убѣжать въ корридоръ, гдѣ было темно и скрыться въ одной изъ келій

подъ кровать. Злодѣи не пошли ее разыскивать, а пошли по порядку изъ одной келіи въ другую, изъ которыхъ сестры уже разбѣжались. Мать Лидія*), живущая противъ М. Леденевой, услышавши ея отчаянный крикъ и, не понимая въ чемъ дѣло, подошла къ двери ея, но она оказалась на крючкѣ. За дверью слышался шумъ и, стоны Леденевой. Сообразивши въ чемъ дѣло, Лидія приказала прятаться сестрамъ, и сама побѣжала въ трапезу и, тамъ чрезъ окно, (въ которое подается изъ кухни кушанье въ трапезу) пролѣзла въ кухню, и забралась на печь. Пока сестры и Лидія прятались, Леденевой удалось вырваться и укрыться. Злодѣи скоро нашли нѣкоторыхъ сестеръ, а погомъ разыскали и Лидію, стащили съ печи, взяли подъ руки, приставили къ груди револьверъ и кинжалъ потребовали денегъ, которыхъ будто бы, въ монастырѣ до 18 тысячъ. Лидія всѣми святыми завѣряла, что она, не только такихъ денегъ не имѣетъ, но даже не слыхала. Долго злодѣи приставали, грозили и, наконецъ потребовали денежныхъ книги и документы. Все это находилось въ канцеляріи, которая находится въ тѣхъ покояхъ гдѣ Ваше Преосвященство изволили ночевать. Ключи отъ Канцеляріи находятся у письмоводительницы Ольги Столбовой, внучки матери Евсевіи и живущей съ нею. Пришлось идти къ старушкѣ игуменѣ—будить всѣхъ. Тутъ испугъ былъ неизобразимый. Ольгу, какъ и мать Лидію взяли подъ руки, злодѣи подъ своимъ конвоемъ, съ револьверами повели въ канцелярію. Столбова все выложила на столы, показала не только книги и документы но и сберегательныя книжки. Увѣрившись въ ошибкѣ и напрасномъ трудѣ, но все еще сомнѣваясь въ истинѣ, злодѣи пожелали осмотрѣть въ церкви свѣчной шкафъ, а такъ какъ церковь оказалось запертой, то моментально сломали запоръ и вскрыли шкафъ, выдвинули всѣ ящики, все перерыли, осмотрѣли и взяли изъ копилочки 7 или 8 руб. Лежало нѣсколько мѣдныхъ денегъ, такъ руб. до 3-хъ, но ихъ почему то не тронули. Потомъ взошли во св. алтарь посмотрѣли, ни до чего недотронулись и пошли, хотя и было тутъ чѣмъ поживиться: на правой сторонѣ въ нишѣ стояли три серебр. чаши съ приборомъ, 4 сер. Евангелія и такое же кадило, все это было на виду, открыто. На обратномъ пути захватили три кружки одну отъ образа св. Николая, потомъ Краснаго Креста и 3 пѣвческую, въ которую кладутся деньги за пѣніе молебновъ и панихидъ. Предполагаю, что во всѣхъ трехъ кружкахъ едва ли было 3—4 руб. Замѣчательно, захватили еще кружку отъ иконы Божіей Матери „Скоропослушница“ но осмотрѣвши ее и, увидя надпись на „неугасимую лампаду къ иконѣ Божіей Матери“ оставили въ притворѣ нетронутою. Злодѣи послѣ этого вѣжливо распростились съ бывшими тутъ сестрами и повели Лидію въ ея келію: осмотрѣли столъ, порылись въ бумагахъ, взяли на виду лежавшій 10 руб. и еще рассматривались съ нею, ушли не замѣтно, не чрезъ ворота, а чрезъ заплотъ. Спрашивали и обо мнѣ—гдѣ квартира священника? Но не пошли. Злодѣи пробыли въ монастырѣ около трехъ часовъ и все это время револьверы и кинжалы держали въ рукахъ угрожая убить на повалъ ту, которая ими будетъ въ чемъ либо замѣчена. Бѣдныя, бѣдныя сестры церковнаго корпуса, сколько они страха видѣли! Къ игуменѣ Евсевіи тоже обѣшались, для порядка, зайти, но, слава Богу, нехватило времени—свѣтать стало. На улицѣ, въ огородѣ, въ саду и на дворѣ при выѣздѣ стояли караульные съ револьверами. Вотъ краткое изложеніе несчастнаго событія бывшаго съ 5-го на 6 апрѣля. Мнѣ дали знать въ 5 ч. утра. Немедленно я пришолъ въ церковь и, когда увидѣлъ все въ цѣлости, то приказалъ собраться всѣмъ сестрамъ въ церковь, какъ могъ поуспокоилъ ихъ и обрадовалъ тѣмъ, что грабители пощадили святое, оставили Божіе Богови, а что унесли руб 20 или 25 небольшс денегъ, то объ этомъ и жалѣть не стоитъ. По случаю таковаго счастливаго избавленія отъ бѣды и угрожавшей опасности я отслужилъ Господу Богу, Пречистой Его Матери и св. Николаю молебенъ. Прошедшею осенью больше мѣсяца и нынче послѣ новаго года, злые люди безпокоили момастырѣ по ночамъ бросая камни въ окна и крыши. Обо всемъ этомъ донесено Уѣздному Начальни-

*) И. д. настоятельницы монастыря.

ку и о. Благочинному, которому я лично 7 апрѣля отвезъ рапортъ. Уѣздный Начальникъ обратился на все это серьезное вниманіе.

Считаю своею обязанностію, хотя и кратко, донести и Вашему Преосвященству, такъ какъ болю за сестеръ и потому прошу Вашихъ святительскихъ молитвъ и, если возможно, то и ласковаго успокоительнаго къ нимъ слова.

Позволяю себѣ надѣяться, что Ваше Преосвященство простите мнѣ ошибки и недописки. Вдумываясь некогда, времени мало, служба продолжительная, духъ удрученъ, да и нервы шалить отъ воспоминанія происшедшаго. Злодѣи обѣщались еще какъ нибудь заглянуть къ намъ.

Вашего Преосвященства

послушникъ, священникъ **І. Борисоглѣбскій.**

Ташкентъ женск. монастырь
1908 г. 7-го апрѣля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

ВЕЛИКІЙ СТАРЕЦЪ.

Н. Колестинова Н. К. Клименко. Очеркъ жизни преп. Нила Сорскаго. Изд. П. П. Сойкина. (С.-Петербургъ, Стременная, 12). Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

7 мая текущаго 1908 г. исполняется 400-лѣтіе со дня смерти знаменитаго дѣятеля русской церкви, „первооснователя скитскаго житія въ Россіи“ преп. Нила Сорскаго. Насколько велико было знамя преп. Нила въ общемъ ходѣ русской жизни, можно видѣть уже изъ того, что за нимъ лишь однимъ въ исторіи осталось наименованіе „великаго старца“.

Не смотря на это, до насъ не дошло почти никакихъ свѣдѣній о его жизни. Правда, чѣмъ дальше шло время, чѣмъ болѣе мѣнялась, становилась разумнѣе картина русской жизни, тѣмъ все болѣе и болѣе изъ мрака прошлаго выдѣлялась свѣтлая личность Нила,—но все-таки очертанія ея были смутны, факты изъ жизни отшельника спорны и не установлены. И вотъ цѣлый рядъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ отдалъ свои силы на то, чтобы собрать хотя бы отрывочныя, но твердо установленныя свѣдѣнія о великомъ подвижникѣ. Однако русская литература и до сихъ поръ не имѣетъ такого труда, въ которомъ всѣ наличныя біографическія свѣдѣнія о Нилѣ Сорскомъ, собранныя во едино были бы изложены въ формѣ цѣльнаго художественнаго произведенія. Попытку восполнить этотъ пробѣлъ и представляетъ собой предлагаемый очеркъ.

Очерчивая отрѣшенную отъ міра идеальную личность „великаго старца“ и набрасывая попутно картину культурно-религіознаго состоянія эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ знаменитый подвижникъ, авторъ настоящаго очерка старался строго руководится всѣми научными трудами и произведеніями, имѣющими отношеніе къ личности Нила Сорскаго.

Содержаніе неофіціальной части. Предсоборныя думы. М. Колобовъ.—Письмо Гр. Петрова. Н. П.—нѣ.—Ложный пророкъ. Епископъ Аянонъ.—Епархіал. и общая хроника. Вооруженное нападеніе. Свящ. І. Борисоглѣбскій.—Библиографическая замѣтка.—Объявленія.

Отъ вѣтственный редакторъ, священникъ **М. Колобовъ.**

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Нагрудный знакъ Туркестанскихъ Обществъ Трезвости.

- 1) Для пожизненныхъ членовъ—золотой.
- 2) Для временныхъ—серебряный.

Выписывать можно изъ Вѣрненскаго Общества Трезвости.

- Серебряный позолоченный. . . . . 15 р.
- Серебряный безъ позолоты. . . . . 13 р.
- Металлическій позолоченный. . . . . 7 р. 50 н.
- Тоже безъ позолоты. . . . . 5 р. 50 н.

Можно получить и дешевые знаки, но болѣе простой работы. (5—2).

1908 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1908 г.
на новый ежемѣсячный журналъ.

ТРЕЗВЫЕ ВОСХОДЫ

Журналъ посвященъ главнымъ образомъ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Но борясь съ этимъ великимъ „всероссійскимъ горемъ“, „Трезвые всходы“ въ то же самое время будутъ ратовать за трезвость мысли, трезвость чувства, трезвость настроенія и дѣла. Простота изложенія. Живость и увлекательность разсказовъ. Отсутствие перепечатокъ. Постоянные отдѣлы: „По обществамъ Трезвости“, „Въ Государственной Думѣ“ и „Среди газетъ и журналовъ“. Обмѣнъ мнѣніями читателей по вопросу о пьянствѣ.

Беря на на себя посильное служеніе идеѣ трезвости, журналъ будетъ постоянно слѣдить за всѣмъ, что говорится, пишется и дѣлается въ защиту трезвости у насъ въ Россіи и за границей.

„Трезвые Восходы“ будутъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ. Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія силы духовной и свѣтской журналистики.

Подписная цѣна: одинъ руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ВЫПИСЫВАТЬ: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Б. Зеленина, д. 41, кв. 17. Контора редакціи журнала „Трезвые всходы“.

Редакторъ Протоіерей **Владиміръ Галкинъ**. Издатели: Протоіерей **В. П. Галкинъ**. Священникъ **М. В. Галкинъ**.

(3—2).

Продолжается подписка на 1908 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЬ СВѢТА“

52 № еженед. церк.-обществ. журнала „Лучь Свѣта“, въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ церк.-общественной жизни, особенно требующимъ реформы.

12 книгъ ежемѣс. духовно-литератур. сборника „ОТДЫХЪ“, въ которомъ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, очерки, драмы и пр. исключительно изъ быта духовенства, дух.-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ монастырей и вообще духовнаго сословія. Интереснѣйшее и захватывающее чтеніе.

12 выпусковъ ежемѣс. церк.-обществ. сборника: «Церковная Реформа», въ которомъ помѣщается все замѣтательное, интересное и полезное, что было напечатано въ теченіе мѣсяца въ свѣтской прессѣ по вопросамъ церковной реформы и церк.-общественной жизни.

24 №№ (два раза въ мѣсяцъ) «Библиотеки церковнаго Реформатора», въ кот. помѣщаются отдѣльные сочиненія и капитальныя статьи по вопросамъ церковной жизни, богословской мысли, церковной исторіи и церковной литературы.

Помимо этого редакція дастъ въ теченіе года (съ особ. счетомъ стран.): 1) Очень интересную книгу Сергія Волына „Въ семинаріи“ (очерки современной бурсы); 2) Серію романовъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей, знакомящихъ съ жизнью современнаго инославнаго духовенства—католическаго, англиканскаго и лютеранскаго, а также духовенства правосл. восточныхъ странъ и 3) громадный трудъ прот. Х. А. Вѣлкова: „Синаксари“ или сказанія о празднуемыхъ православною церковью событіяхъ въ русскомъ изложеніи съ подробными объяснительными примѣчаніями.

Желая, какъ можно ширѣ, распространить журналъ между духовенствомъ, редакція нашла возможнымъ назначить еще особую премію, а именно: Лица, подписавшіяся не весь годъ или на полгода палучать НЕМЕДЛЕННО (черезъ нѣсколько дней по отсылкѣ денегъ) разныхъ полезныхъ и необходимыхъ для духовенства, учителей, церковныхъ и школьныхъ библиотекъ—книгъ на сумму 3 руб. совершенно бесплатно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ—8 руб. съ дост. и перес., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. При выискѣ 5-ти экз.—6-й бесплатно.

Пробные №№ высылаются за 2 семикопѣчныя марки.

5% съ подписныхъ денегъ подписчиковъ каждой епархіи будутъ отсылаться въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія той-же епархіи—на круглыхъ сиротъ, подробный отчетъ о чемъ будетъ печататься въ журналѣ регулярно.

Деньги, рукописи и письма адресовать такъ: С-Петербургъ, въ редакцію церковно-общественнаго журнала „ЛУЧЬ СВѢТА“, Спасекая ул., д. 12.

(3—3)

Открыта подписка на 1908 годъ (XIX годъ изданія).
(Подписной годъ начинается съ 1-ю ноябрк).

ПРИРОДА И ЛЮДИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала, съ иллюстраціями. Романы и повѣсти. Живописные рассказы изъ путешествій по всѣмъ частямъ свѣта. Необычныя приключенія на сушѣ, на морѣ и воздухѣ. Описанія чудесъ и великихъ явленій природы. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Бесѣды о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Разныя виды спорта. Задачи на преміи и т. п.

40 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ МАЙНЪ-РИДА.

Свыше 600 страницъ убористаго шрифта. Первое изданіе на русскомъ языкѣ.

6 книгъ большого формата посмертнаго сочиненія знаменитаго географа-учен

Элизе Реклю „ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ“,

съ массою фотографій, рисунковъ, картъ и виньетокъ.

6 КНИГЪ нашего изданія „Человѣкъ и Земля“ заключаетъ въ себѣ художественныя описанія жизни народовъ отъ происхожденія человѣка до новѣйшихъ временъ. По глубинѣ мысли и интересу содержанія, заключающаго въ себѣ и дивныя драмы, какихъ не можетъ измыслить самое пылкое воображеніе, и величественныя по красотѣ сцены жизни народовъ древняго и новаго міра. „Человѣкъ и Земля“, безспорно, лучшее сочиненіе по исторической географіи, подобно тому, какъ прежній трудъ Э. Реклю—„Земля и Люди“—лучшее сочиненіе по описательной географіи.

КРОМЪ ТОГО, всѣмъ г.г. подписчикамъ, уплатившимъ сполна подписныя деньги, загодѣ, хотя бы и въ разсрочку, будетъ выданъ **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ** къ романамъ **МАЙНЪ-РИДА**, воспроизведенныхъ по оригиналамъ извѣстныхъ заграничныхъ художниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ „Природа и Люди“ со всѣми приложеніями на годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи 7 рублей, безъ доставки въ С.П. 6 руб., въ Москвѣ у Н. Печковской 6 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собствен. домъ. Изданіе П. П. Сойкина.

✿✿ Подробное объявленіе и пробный № высылаются за двѣ семикопѣчныя марки. ✿✿

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

(ВОТЪ ХОРОШО-ТО!)

НА САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

на 1908 г.

ЖУРНАЛЬ

на 1908 г.

„ПЛЮВІУМЪ“

(Читайте, читайте!)

„Плювіумъ“ даетъ 52 роскошно иллюстрированныя нумера въ годъ. (Небывало!)

„Плювіумъ“ выходитъ каждую субботу. (Замѣчательно).

„Плювіумъ“ специализируется по „Виттовой пляскѣ“ и „Вавилонскому Столыпотворенію“. (Удивительно).

„Плювіумъ“ стоитъ три рубля въ годъ съ доставк. и перес. (Невѣроятно).

„Плювіумъ“ на четыре мѣсяца стоитъ одинъ рубль съ доставкой и пересылкой. (Поразительно).

„Плювіумъ“ начинается свой годъ съ 1-го октября. (Оригинально).

➡ **ВСЯКІЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧИТЪ ВСѢ ВЫШЕДШІЕ 1-ГО ОКТЯБРЯ НУМЕРА.** ➡

Подписка принимается 4-я рота Измайловскаго полка, д. 6. и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Иногородные благоволятъ выслать деньги по адресу: С.-Петербургъ, 4-я рота Измайловскаго полка, д. 6. Влад. Макс Бреверну.

Въ конторѣ журнала и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго времени“ поступили въ продажу сброшурованныя экземпляры „Плювіума“ за прошлый годъ по три рубля за экземпляръ. Иногородные, выписывающіе изъ конторы (С.-Петербургъ, 4-я рота Измайловскаго полка, д. 6), за пересылку не платятъ. (3—3).